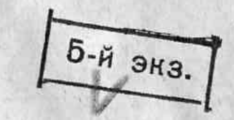
ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 5 (17)

1923 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Группа «Борьба» *).

(По поводу воспоминаний тов. Стеклова.)

Статья т. Стеклова интересна, как характеристика позиции маленькой литературной группы «Борьба», в которой нашли тихое пристанище несколько т. т., оставшихся в стороне от подлинной, жестокой борьбы течений начала 900-х г. г.,—борьбы, решавшей судьбы нашей еще не сложившейся партии. Читатель без труда разберется в тех невылазных противоречиях, к которым приводила, в эпоху жестоких боев, эта позиция платонического марксизма, «принципиально» одобрявшего ортодоксальную и революционную линию и на практике уклонявшегося от всякой определенной линии, останавливавшегося на перепутьи, замыкавшегося в тесный кружок «чисто-литературной» группы, которую сам автор должен признать «мертворожденной».

Характерно, что сам т. Стеклов, отстаивая в своем повествовании чистоту и ортодоксальность своих взглядов в прошлом, повидимому, и теперь не замечает всей неустойчивости и противоречивости своей принципиальной позиции.

Будучи в ссылке, он с успехом сражается с появившимися там «молодыми» («экономистами»). Для него ясна связь «экономизма» с книгой Бернштейна, за которую ухватились «молодые». Но перед самым отъездом из ссылки за границу т. Стеклов, прослышавший, что «молодые» появились и там и вступили в оппозицию группе «Осв. Тр.», оказывается не знающим, «в чем, собственно, заключалась сущность этих разногласий». Несмотря на незнание этой сущности, для т. Стеклова «было ясно», что он примкнет там (т.-е. за границей) к группе «Осв. Труда».

---

*) Редакция журнала находит вполне уместным предпослать статье т. Стеклова маленькую заметку о группе «Борьба», принадлежащую перу одного из видных историков нашей партии—т. Батурина.

Наконец, осведомленный за границей самим Г. Плехановым о сущности разногласий, т. Стеклов, несмотря на полное с ним, Плехановым, единомыслие и приятельские отношения..., все-таки к плехановцам не примкнул.

То же самое повторяется в отношениях с группой «искровцев», приехавших за границу. Несмотря на «полную содидарность» с этой группой, т. Стеклов уклонился от той огромной творческой работы партийного строительства, которая была предпринята «Искрой». От этой широко задуманной работы он сбежал в кустарную мастерскую своей «Борьбы».

Более характерны для т. Стеклова не столько самые эти колебания, сколько их мотивы. От вступления в плехановскую группу «Социал-Демократ», при расколе Загр. Союза он уклоняется потому, что в «окружении Плеханова» он находит только юных и слабых членов Союза, прежние же соратники его по группе были уже старыми и больными. За «экономистами» же были прочные связи с российскими организациями, помощь Бунда «державшего границу».

Защищая соглашение с п. п. с-овцами (в группе «искровцев»), т. Стеклов выставляет, как один из мотивов, то обстоятельство, что польская социал-демократия была в то время в упадке. Словом, принципиальная солидарность с той или иной группой в политической ориентации т. Стеклова стоит совсем не на первом месте.

Т. Стеклов «до сих пор» недоумевает, почему Ленинская группа предложила ему «быть *только* ее парижским представителем» (т.-е. не ввела его в редакцию). Это «только» и было причиной ухода т. Стеклова из организации «Искры»,—причиной, как видим, совсем не принципиального порядка.

Но если тогда, при первом знакомстве с т. Лениным, т. Стеклов мог еще по недоразумению считать свою крайне противоречивую и шаткую позицию «вполне солидарной» со взглядами Ленина, то совершенно непонятно, почему «до сих пор», т.-е. после всего того, что написано т. Лениным о кустарничестве и разброде, он так упорно настаивает на своей «полной солидарности» с автором «Что делать?».

Еще больше, чем своей «полной солидарностью» с ред. «Искры», т. Стеклов гордится своими разногласиями с нею (желая, т. о., быть именинником и на Антона, и на Онуфрия). С большим удовлетворением он отмечает свои выступления против «либерального уклона» «Искры» (попытка блока с либералами) и против знаменитых «отрезков» в ее проекте программы.

При том бешеном темпе политической жизни и развития классовой борьбы, который начинается с 900-х г. г., было невероятно трудно, даже невозможно определить и зафиксировать на длительный период очередные задачи партии. Не только практические лозунги, но и программы старели необыкновенно быстро. Если уже первая революция переросла нашу аграрную программу с ее «отрезками», то революция 1917 г. перешагнула через всю нашу старую программу-минимум. «Ошибки» и уклоны были неизбежны. Но они не были страшны тем, кто искал революционную линию не на голых высотах «чисто-литературной» ортодоксии, а в гуще конкретной политической борьбы, в постоянной переоценке соотношения сил; они, эти «ошибки», не помешали (а скорее помогли), начав с попытки блока с либералами против самодержавия, кончить диктатурой пролетариата, а от «отрезков» перейти к декрету о земле. Напротив, самая целомудренная ортодоксия в области голых формул (как это показал особенно 1917-й год и практика первых советов) отлично уживалась с самым безнадежным соглашательством, сводившим на-нет всю чистоту и ортоксальность взглядов. В этом существенное преимущество «ошибок» старой «Искры» над принципиальной непогрешимостью ее критика.

Н. Батурин.

В ссылке и в эмиграции.

(Идейные конфликты.)

Глава первая.—В ссылке.

1. Споры между марксистами и народниками.

В своих воспоминаниях об Якутской ссылке [1]) я уже говорил о составе старых ссыльных. По большей части это были обломки народничества и народовольчества. Оторванные от русской жизни, они застыли на взглядах и традициях своего времени. Все новое, что произошло в России со времени их выбытия из строя, осталось для них чуждым и непонятным, а в большинстве случаев прямо враждебным. Именно так они относились к марксизму и к социал-демократии. Для многих из них просто странно было, как Плеханов, которого они в свое время знали как «Жоржа» или как «Жоржика», мог создать школу и явиться основателем целого направления. Я помню, как презрительно Сергей Диковский говорил мне о Плеханове:

— И Жоржик попал в пророки! Мы его хорошо знаем. Мы помним, как он пассовал перед Желябовым, не мог рта перед ним открыть, а теперь....

Я и тогда несколько скептически относился к мнимой робости Плеханова перед Желябовым. Я уже и тогда знал, что Плеханов смело выступал против народовольцев и против тех землевольцев, которые выказывали слабость по отношению к политическим новшествам на Воронежском съезде и на собраниях «радикалов» после этого съезда. Я даже до сих пор сомневаюсь, знал ли Диковский лично Плеханова. Но если он его лично не встречал, то он

[1]) См. «Отрывки воспоминаний об Якутской ссылке» («Каторга и Ссылка» № 6).

слыхал о спорах Плеханова с народовольцами. Во всяком случае, слова Диковского были характерны для того отношения, которое проявляли «старики» к Г. В. Плеханову, а заодно уже и ко всем нам, его ученикам и последователям.

Неудивительно, что при первой же встрече со стариками у нас начались ожесточенные баталии на теоретические темы. Российские интеллигенты всегда любили «поспорить», а в ссылке этому занятию предавались с особенным азартом—за отсутствием других дел. Характерно, что эта манера предаваться бесконечным словопрениям в течение целых вечеров и даже ночей исчезла с того момента, как революционеры получили возможность заняться практической работой. Теперь у нас что-то не слыхать о таких отвлеченных, бесконечных «спорах». Но в свое время это было неизбывной традицией как на воле, так и особенно в ссылке. Впрочем, эта привычка свидетельствовала о наличии глубоких теоретических и политических интересов среди спорщиков.

С другой стороны, эти споры несомненно способствовали выяснению теоретических взглядов и способствовали политическому самоопределению их участников. Не следует, наконец, забывать, что эти «споры» объяснялись отсутствием или недостаточностью революционной прессы и, до известной степени, ее заменяли.

В первый же вечер, когда на квартире Дулембы собрались старики, чтобы перезнакомиться с нашей «партией», спор вспыхнул с ожесточенной силой. И надо сказать, что инициативу, насколько я припоминаю, взяли на себя старики.

— Что вы имеете предъявить?

Таков был примерный смысл их обращения к нам. Мы ничего другого и не желали. Пылкие юные прозелиты марксизма, мы сгорали от нетерпения предъявить старикам свой товар лицом. И вот грянул бой, Полтавский бой. Разумеется, за одну ночь мы не кончили; схватка возобновилась на другой день, на третий и т. д. до бесконечности. На всех вечеринках, которые устраивались в нашу честь, сражение вспыхивало с новой силой. Из улусов подъезжали новые старики, предъявляли новые запросы, излагали свои критические замечания в иной форме, выдвигали еще не встретившиеся аргументы. Мы, с своей стороны, не оставались в долгу, и теоретическая дискуссия кипела. Схватки наши со стариками продолжались до тех пор, пока не стали прибывать новые «партии» социал-демократов, так называемого «экономического» направления. Тогда, как увидит читатель, картина резко изменилась. В

нашем собственном социал-демократическом лагере произошел раскол, и часть стариков присоединилась к «политикам», отчасти примирившись с революционной социал-демократией.

Но не нужно думать, что старики стояли сплошь на революционной позиции и критиковали нас с этой точки зрения. Разумеется, в общем и целом дело обстояло именно так, т.-е., вернее сказать, так казалось старикам. Мы рисовались им в лице умеренных людей, чуть ли не с воего рода культуртрегеров, якобы отрицавших непосредственно революционные задачи и сводивших все дело к медленному накоплению сил («постепеновству»). Нашей позиции старики никак не могли усвоить. Им казалось, что мы отрекаемся от великой политической задачи русских революционеров, что мы откладываем в долгий ящик борьбу с самодержавием, что мы еще на более долгий срок отсрочиваем социальную революцию. В спорах с нами они напирали, главным образом, на двух китов: террор и общину.

При этом многие из них выдвигали против нас в споре известный избитый аргумент старого народничества, который был выдвинут еще в 70-х годах, а затем с особенным упорством начал повторяться обломками легального народничества (Михайловским, Кривенко и т. п.), вступившими с марксистами в открытую полемику в начале 90-х годов. Сущность этого довода сводилась к тому, что, раз мы признаем прогрессивное значение за экономической европеизацией России, усматриваем прогрессивный фактор в развитии производительных сил и в частности в развитии капитализма, раз мы считаем пролетариат главной движущей силой революции, не только социальной, но и политической, то мы должны, дескать, не только «приветствовать» развитие капитализма и в частности пролетаризацию крестьянства, но и всячески ему способствовать, разрушать общину, обезземеливать крестьянство и т. д. Эти благоглупости повторялись с самым серьезным видом, и никакие наши возражения не могли пробить толстой коры предрассудков и предвзятого отношения.

Повторяю, старикам казалось, что в отличие от нас, стоящих, мол, на позиции эволюционизма и постепенства, они стоят на революционной позиции. Соглашаясь иногда даже с некоторыми нашими положениями или будучи бессильны их опровергнуть, они все же говорили: «Ну да, это-то, пожалуй, и верно, но таким путем вы не добьетесь социальной революции и через 200 лет; не добьетесь даже политической свободы». Однако из всех наших дебатов

обнаружилось, что, сами того не сознавая, старики в сущности стоят на мелко-буржуазной позиции и, мня себя крайними революционерами, являются по существу консерваторами, чтобы не сказать, реакционерами. Их непонимание значения пролетариата, разговоры о крестьянстве, об общине и т. п. сводились, в конце концов, к апологии российской отсталости и к фантастическим мечтам воздвигнуть на почве этой отсталости социалистический храм будущего. При этом радикальные мотивы звучали в их речах сильнее, чем социалистические. Словом, это была психология позднейших эс-эров, которые ведь тоже критиковали нас, марксистов, с точки зрения «революционного социализма», но которые по существу были мелкими буржуа, мещанами, обывателями в политике, и которым мы, марксисты, давно предсказали предстоявшую им эволюцию, неизбежное превращение их в контрреволюционеров, что, как известно, блестяще оправдалось в действительности.

Не следует думать, что эти ожесточенные теоретические споры всерьез портили наши личные отношения. Разумеется, некоторый осадок враждебности после таких схваток получался. Иногда возникали и личные недоразумения, но в общем и целом старики, в конце концов, примирились с нами. Скрепя сердце, они должны были признать нас своими преемниками и детьми. Правда, дети получились на их взгляд не совсем удачные, со странностями, с причудами, и старики покачивали головами, глядя на непонятные им курбеты молодого поколения. Но в конце концов они начали сдавать. Естественно, что признать целиком нашу правоту—это значило для них признать свою неправоту и, что ужаснее всего, признать, что они «отдали свою жизнь напрасно». Разумеется, мы-то теперь прекрасно знаем, что это не так, но самим старикам в тот момент наша критика народничества и народовольчества казалась страшно оскорбительной, тем более, что некоторые из нас по юности лет и по пылкости своих убеждений, тем более распалявшихся, чем более сильное сопротивление они встречали, впадали подчас в крайности и допускали действительно обидные для старых революционеров выходки. Но когда впоследствии в ссылку начали прибывать партии «экономистов», когда начался отчаянный бой в лагере самих марксистов, старики начали задумываться и понимать, что среди социал-демократов имеются настоящие революционные элементы, которые в сущности идут даже гораздо дальше самых крайних течений, господствовавших в прежнее время.

Перед тем, как рассказать о междоусобной брани в марксистском лагере, упомяну еще о появлении в нашей среде так называемых «молодых народовольцев».

Как известно, в начале 90-х годов, одновременно с появлением марксистских кружков, начался некоторый процесс эволюции среди левых народников. Начали появляться группы «молодых народовольцев», которые пытались создать некоторый синтез из старых народнических и новых марксистских положений. В Петербурге сложилась группа, издававшая «Летучий Листок» и потому получившая название «группы Летучего Листка Народной Воли». Эта группа сама пережила две стадии своего развития. Первоначально в ней еще сильно преобладали народнические и чисто народовольческие элементы. Это отразилось на первых двух номерах «Листка». Из деятелей этой первой народовольческой группы к нам в Якутскую ссылку прибыло несколько человек, из которых я припоминаю Виктора Окольского, Константина Иванова (впоследствии эс-эра) и Белецкого. Они в общем и целом поддерживали стариков против нас, хотя и в их речах звучали уже нотки, заставлявшие стариков настораживаться и недоверчиво покачивать головами. Особенно ярился Окольский, который был большим спорщиком и упивался музыкой теоретических словопрений. Окольский повторял против нас все аргументы Кривенко и Михайловского и особенно распинался за общину, которую мы якобы хотели разрушить и великого социалистического значения которой мы не понимаем. Что эта группа совместно со стариками выдвигала тогда против нас, марксистов, тот довод, которым впоследствии так широко пользавались эс-эры, а именно, что мы будто бы игнорируем интересы самого многочисленного класса в России—крестьянства, что никогда крестьянство поэтому за нами не пойдет и что поэтому мы никогда не сделаемся настоящей политической силой,—это само собой разумеется. Мы же возражали староверам, что крестьянство пойдет именно за нами постольку, поскольку нам удастся создать сильную рабочую партию, которая станет во главе всей борьбы трудящихся масс с эксплоататорами и которая единственно сумеет увлечь за собой все активные силы крестьянства в борьбе за землю и волю. Будущее показало, что правы были мы...

Через год в Якутск прибыла другая группа «молодых народовольцев», так называемая «группа 4-го Листка». Эта группа уже стала почти определенно на марксистскую позицию. Среди членов этой группы, попавшей в якутскую ссылку, я припоминаю

Александра Ергина с женой (впоследствии Ергин убил в Среднем Колымске заседателя Иванова, оскорбившего нашего товарища Калашникова и этим доведшего его до самоубийства), Белевского, редактора «Листка» (впоследствии под фамилией Белорусова работавшего в «Русских Ведомостях», превратившегося в ярого кадета и контр-революционера, а затем и колчаковца) и жену его Екатерину Прейс, а также рабочих Тулупова, Смирнова, Кособобова и Приютова. Кроме того из этой же группы остались в Олекминске Екатерина Александрова (впоследствии ставшая злостной меньшевичкой) и Василий Исаевич Браудо.

Новая группа «молодых народовольцев» по целому ряду вопросов уже решительно поддерживала нашу позицию против народничества. Впрочем, насколько припоминаю, народовольцы-рабочие, как это ни странно, были сильнее заражены народническими предрассудками, чем интеллигенты; в частности Тулупов и Смирнов казались староверами сравнительно с другими. Особенно определенным марксистом выступал Белевский, к тому времени человек уже пожилой, лет под сорок. Однако в его выступлениях очень сильно звучали кадетские ноты (недаром он раньше, во второй половине 80-х годов, был членом редакции нелегального журнала «Самоуправление», этого предшественника грядущего кадетизма). Несмотря на свои марксистские убеждения, Белевский туго сходился с молодой марксистской ссылкой, которая инстинктивно чувствовала между ним и собою какую-то не поддававшуюся определению, незаметную, но все же существовавшую стену. У него было очень благообразное лицо, несколько напоминавшее Плеханова, очень внушительная наружность, и, тем не менее, он все-таки напоминал наполовину барина, наполовину благородного шулера, что один из нас, как-то не удержавшись, и высказал ему однажды во время «дружеской беседы». Белевский очень обиделся; но дальнейшая его деятельность подтвердила, что товарищ, сделавший это невежливое замечание, попал, что называется, не в бровь, а прямо в глаз.

Однако прибытие этих «молодых народовольцев» не в состоянии было оживить теоретических дебатов в ссылке. За два года все пункты разногласий между марксистами и народниками были освещены, все доводы за и против высказаны и выслушаны, и споры начали повторяться и приедаться. Но зато теоретическая жизнь ссылки сразу оживилась, разногласия вспыхнули с новой силой, когда в Якутск начали прибывать новые партии социал-демократов, окрашенные цветом так называемого «экономизма»

2. Споры в среде социал-демократов.

Собственно говоря, словечки «экономизм», «экономисты» и т. д. возникли позже [1]), года через два, за границей, во время полемики Плеханова с «рабочедельцами». Но те взгляды, которые впоследствии легли в основу «экономизма», зародились в России, примерно, с середины 90-х годов. В концентрированном виде они выражены в известной брошюрке «Об агитации», написанной бундистом А. Кремером и проредактированной Л. Мартовым, если не ошибаюсь, в 1894 году. Взгляды, развивавшиеся в этой брошюре, были присущи большинству бундистов, а также многим деятелям

---

[1]) Указание автора, что термины «экономисты» и «экономизм» относятся к более позднему времени, к самому концу 90-х годов, совершенно правильно. В первый раз обвинение в «экономизме» было предъявлено в начале 1897 года в Петербурге, первой группой «Союза борьбы за освобожд. рабочего класса»,—так называемыми «стариками» или «декабристами» (Ульянов-Ленин, Кржижановский, Цедербаум-Мартов, Старков, Ванеев) так называемым «молодым» (Тахтареву, Якубовой и другим). Это было при первой их встрече по освобождении «стариков» в квартире Радченко на Выборгской стороне. Развились чрезвычайно страстные дебаты, в которых—я, как присутствовавшая, могу удостоверить,—все старики держались солидарно,—таким образом Мартов был также на стороне «политиков». Затем, в протесте против «Кредо» Кусковой-Прокоповича, посланном из ссылки в 1898—1899 г., в числе 17-ти подписавших его соц.-дем. был и Цедербаум-Мартов. Вообще я, находившаяся в течение всех трех лет ссылки Влад. Ил. в самой тесной и частой переписке с ним, могу удостоверить, что никакого разногласия в политической линии между ним и Мартовым не было тогда и что из всех своих прежних товарищей он по возвращении из ссылки рассчитывал, главным образом, на Мартова, которого стал тотчас же по возвращении бомбардировать письмами и телеграммами и в сотрудничестве с которым он только и мнил себе работу по постановке общерусской газеты. Таким образом, обвинение т. Стекловым Мартова, что он был «искони» экономистом, подтверждения себе не находит. Брошюра Кремера «Об агитации», ознаменовавшая собою переход от узкой кружковщины к широкому массовому движению, которое только и можно было поднять переходом к повседневным лозунгам и борьбе, еще не являлась уклоном в экономизм,—такую же агитацию повели тогда все партийные комитеты, начиная с первого «Союза Борьбы» в Петербурге. Поэтому факт редактирования Цедербаумом-Мартовым этой брошюры никоим образом его уклона в экономизм не означает. Если же позднее кое-кто из его учеников в экономизм скатился, то в этом так же нельзя обвинять Мартова, как всю группу «стариков» в том, что скатились в рабочемысленство работавшие первоначально с ними рука об руку Тахтарев, Якубова и др.

Прим. ответств. ред. А. Елизаровой.

рабочего движения в самой России. В этом «экономизме» первоначально содержалось несомненно здоровое зерно. С того момента, как марксистское движение стало выходить за пределы небольших тайных кружков, с того момента, как оно попыталось связаться с массами, расшевелить их и втянуть в борьбу, необходимы были новые приемы работы отличные от приемов периода «кружковщины». Выдвинут был, принцип агитации на почве насущных экономических потребностей массы. Эта агитация, как известно, быстро привела к положительным результатам и увенчалась крупным успехом. Ей несомненно удалось расшевелить рабочие массы, втянуть их в борьбу и заложить основы будущей рабочей партии. Но вместе с тем в этом движении содержались черты, придававшие ему оппортунистический, узко-практический характер. Гордые своими практическими достижениями, сторонники нового течения действительно стали отодвигать на задний план общеполитические задачи рабочего движения, затушевывать революционный характер социал-демократии и выхолащивать марксизм, лишая его присущего ему действенного, активного, инициативного начала. В частности сторонники этого направления закрывали глаза на политическую сторону рабочего движения в России, на борьбу с самодержавием, готовые ограничиться исключительно организацией протеста на чисто-экономической почве, понимая при этом экономические требования в самом узком смысле непосредственных достижений. Во многом эти люди были предшественниками западного «ревизионизма» и неудивительно, что появление книги Бернштейна, направленной против революционного марксизма, встретило среди многих из них восторженный прием.

В Якутск эти партии социал-демократов нового направления начали прибывать с 1898 года. За ними было то, чего недоставало в свое время нам, а именно довольно широкое рабочее движение, начавшее втягивать массы. Этим они чрезвычайно гордились и, ссылаясь на свои практические успехи, пытались этим аргументом парализовать наши возражения против их обще-политического направления. И в высшей степени замечательно, что многие старики отнеслись к новым социал-демократам «экономического» направления гораздо дружелюбнее, чем к нам, революционным марксистам. Казалось бы, что эти люди, прятавшие в дальний ящик борьбу с самодержавием, относившиеся к мысли о близкой революции с некоторого рода презрительной насмешкой, отстояли от стариков на тысячу верст дальше, чем мы. И тем не менее старики к ним относились благожелательно и часто ставили их нам в пример.

«Вот это люди практические; сразу видать, что люди дельные,— говаривали они,—а у вас только рассуждения, теория». Другие старики, правда, относились к экономистам иначе. Но и они пытались использовать ревизионизм молодежи, чтобы подчеркнуть вообще пагубность марксизма на русской почве. «Вот, мол, видите, до чего доводит ваш марксизм! Вот на что разменялось былое героическое движение. Разве это революционеры, разве это социалисты? А ведь они исходят из тех же положений, которые проповедуете и вы. Да, в сущности говоря, они единственно настоящие марксисты. Марксизм, социал-демократия—это и значит умеренность, крохоборчество, борьба за пятачок. А вы, какие же вы марксисты?

Разумеется, старикам приятнее было признать этих молодых «экономистов» истинными марксистами, ибо этим значительно облегчалась борьба с ненавистным марксистским направлением вообще. С другой стороны, тем старикам, которые благожелательно относились ко вновь прибывшим, тоже казалось, что такой марксизм выгоднее для народников и народовольцев. Именно этот соперник казался гораздо менее опасным, чем те марксисты, которых они видели в нашем лице. Раз политика остается в стороне, раз социал-демократы ее забрасывают, то, следовательно, остается место для другой партии, скажем народовольческой, которая выбрасывает политический флаг, берет в свои руки руководство политической борьбой трудящихся масс (и «общества», разумеется). Здесь действовала та же психология, что и у либеральной буржуазии, сочувственно относившейся к кусковскому «Кредо». Ведь и там доказывалось, что рабочее движение России на современной своей стадии не может ставить себе политических задач а должно ограничиваться чисто экономической борьбой. Что же касается политической борьбы, то ее должна вести просвещенная буржуазия. Таким образом рабочее движение заранее обессиливалось, рабочие лишались самого могучего орудия борьбы, а для буржуазии расчищалась почва, позволявшая ей при удобном случае совершить захват власти в свою пользу. Я, разумеется, не хочу этим сказать, что старики сознательно питали такие мысли, тем более, что они радовались марксистской узости—субъективно, по крайней мере,—не в интересах либеральной и просвещенной буржуазии, а в интересах собственной партии, народовольческой, для которой, при господстве среди марксистов таких взглядов, как те, которые проповедывали молодые социал-демократы, неожиданно открывалось новое обширное поприще деятельности.

И не подлежит сомнению, что политическая узость, чтобы не сказать политический индифферентизм, проявленный значительной частью социал-демократов в конце 90-х годов, был одним из факторов, способствовавших воскрешению «левого народничества» и образованию партии социалистов-революционеров. Разумеется, здесь действовали и другие причины. Но никогда бы партия с.-р. не выросла так быстро и не увлекла в свои ряды стольких рабочих, если бы не политические промахи наших марксистов в период господства «экономического» направления (впоследствии другим фактором, обусловившим новые успехи эс-эров, была неудачная аграрная программа, принятая на втором съезде нашей партии; об этом ниже).

Но именно потому, что мы, сторонники революционного марксизма, предвидели опасность нового направления для будущих судеб рабочего движения, мы встретили молодых социал-демократов, что называется, в штыки. Разгорелась новая теоретическая баталия, которая неожиданно привела к совершенно новому делению в ссылке. Я уже говорил, что старая ссылка в вопросе об отношениях ко взглядам молодых с.-д. раскололась. Часть народников примкнула к нам, видя, что мы отстаиваем, как им казалось, «истинные» принципы «Народной Воли». Но часть, увлеченная «практицизмом» новичков, а также соблазненная выгодностью ревизионистских взглядов для народовольческого дела, начала поддерживать этих молодых против нас. Открыто на такую поддержку отваживалось, впрочем, меньшинство стариков.

В рядах молодых социал-демократов тоже скоро наметилось известное разделение. В то время как одна их группа (Гожанский, Койген [1]), Любовь Айзенштадт) до конца отстаивала свои взгляды, доходя до неслыханных преувеличений, другая их часть (И. Айзенштадт, Мартын Мандельштам—впоследствии большевик Лядов—и др.) заколебалась. Увидев во время спора, к чему ведут взгляды «экономистов», эти люди, у которых революционный инстинкт брал верх над доктринерскими блужданиями, начали склоняться к нам.

Споры между нами длились бесконечно. В них приняла участие почти вся ссылка. Некоторые народовольцы вроде Давиденко, Левченко, Лозянова, присутствуя при этих спорах, хотя сами почти не вмешивались в них, предоставляя нам, марксистам, отстаивать революционные позиции против молодых сторонников «агитации», в конце концов, решительно заявили, что если марксизм есть то учение, которое мы излагаем, то они по существу ничего против него возразить не могут, так как это в значительной мере напоминает, дескать, взгляды партии «Народной Воли». Некоторые из них, желая выразить мне величайшую похвалу за мою полемику с молодыми социал-демократами, говорили мне: «Вы—настоящий революционер 70-х годов». Этим они хотели подчеркнуть то, что мы отстаивали политические задачи рабочего движения в России. Вести полемику с ревизионистами приходилось, главным образом, мне. Энергично поддерживал меня тов. Хинчук, который тоже в это время находился в Якутской ссылке (он прибыл в Якутск даже несколько раньше нашей партии).

1) С. Гожанский и Койген—теперь члены Р. К. П.

В результате наших бесконечных прений была составлена даже письменная резолюция, которую я сейчас точно не могу припомнить, но сущность которой сводилась к подчеркиванию политических задач русского рабочего движения, при чем в качестве ближайшей из этих задач намечалось свержение самодержавия. При голосовании этой резолюции присутствовавшие народовольцы голосовали вместе с нами, левые «экономисты» тоже присоединились к нам, и правые социал-демократы были разбиты наголову. Любопытно, что лидер правых, бундист Гожанский, обратился за помощью к одному из своих учителей, который находился в то время в ссылке, в Туруханске. От этого «учителя» он получал письма, которые показывал мне и которые давали ему новые аргументы для борьбы с революционным крылом марксистов. Этим учителем был не кто иной, как Л. Мартов.

Как раз в это время в Якутске получилась известная книга Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма». Книга эта, как известно, содержит квинт-эссенцию ревизионизма и формулирует основные взгляды оппортунистического крыла социал-демократии, того самого правого крыла, которое господствовало во 2-м Интернационале, которое привело его к такому позорному концу и которое сейчас вылилось в открытое социал-предательство. Эта книга подлила нового масла в огонь уже потухавших дискуссий. Разумеется, наши экономисты с восторгом подхватили книгу Бернштейна, находя в ней бесконечное число аргументов в свою пользу. Со своей стороны и мы воспользовались этой книгой, чтобы показать воочию, к чему приводят зародыши оппортунизма при их логическом развитии. Должен, впрочем, сказать, что даже наши «экономисты» конфузились откровенности Бернштейна и не решались открыто до конца солидаризироваться

со всеми его положениями. Но в общем и целом они развивали и отстаивали их, усматривая в них глубочайшую мудрость и величайший «практицизм». По этому поводу я припоминаю очень характерную сценку.

Дело происходило в «улусной» [1]) Матрены. Там в это время проживал ссыльный варшавский сапожник Александр Шедлих, марксист-революционер, истинный представитель пролетариата, польский социал-демократ, т.-е., по существу, большевик-коммунист. Шедлих решительно стал на нашу сторону. Не обладая даром речи и не вполне свободно владея русским языком, он на наших собраниях обыкновенно помалкивал, хотя симпатии его ни для кого не представляли сомнения. И вот как-то в улусной собрались я, Гожанский и не помню кто еще из социал-демократов. На столе лежала книга Бернштейна. Я перелистывал ее и ругался. Гожанский возражал мне. Поддерживали Бернштейна и другие «экономисты». Шедлих сидел мирно в стороне на своей скамеечке и тачал какой-то сапог. Вдруг он с негодованием отбросил в сторону молоток и колодку, вскочил с места и разразился громовой речью:

— И это социализм, и это революция! Подлость это, мерзость— и больше ничего. Буржуи вы, несчастные люди, всех вас вместе с Бернштейном нужно....—и он сделал решительный жест сверху вниз.

Мы могли только приветствовать Шедлиха. Его пролетарский инстинкт возмутился против ревизионистских учений, в которых он своим рабочим сердцем предчувствовал стрельбу из ружей и пулеметов по восставшим рабочим, предчувствовал всю грядущую гнусную измену бернштейнианцев, ревизионистов, меньшевиков и всех иных социал-предателей...

По тем товарищам, которые попадали к нам в Якутск, мы могли судить о том, что в России среди практиков движения назревает какое-то чуждое нам, пионерам социал-демократии, направление. Но насколько оно распространено, не является ли оно чем-то преходящим, случайным, не вызывается ли какими-либо местными особенностями, этого мы не знали. Обыкновенно люди добирались до Якутска года через два после ареста, предварительно посидев в тюрьме и пройдя этапные мытарства. Те представители нового течения, с которыми мы воевали в ссылке, были изъяты из обращения, примерно, в 1895—1896 годах. Мы могли поэтому допускать,

[1]) Нечто вроде постоялого двора для ссыльных (первоначально—для приезжавших в город Якутск из улусов).

что теперь, т.-е. в 1898—1899 годах, такие уроды в социал-демократической семье перевелись, ибо, как нам казалось, наглядные уроки самодержавно-полицейской практики должны были быстро отрезвить деятелей рабочего движения и выбить из их голов всякие «экономические» увлечения.

Надо помнить, что Якутская область особенно оторвана от России. Другие ссыльные колонии, особенно те, которые были ближе расположены к Сибирской магистрали, были лучше связаны с Россией, скорее и чаще получали оттуда сведения и потому были, сравнительно с нами, хорошо осведомлены о том, что происходит на белом свете. Достаточно сказать, что кусковское «Кредо» успело дойти до Минусинска [1]), где тогда находился Ленин, и вызвать там известный «Протест», а мы, якутяне, долго еще не подозревали даже о его существовании, и я, в частности, узнал о нем только за границей, куда попал в самом начале 1900 года. Неудивительно, что еще меньше мы знали о том, что происходило за границей.

Глава вторая.—В эмиграции.

1. Споры с рабочедельцами.

Уже в Якутске до нас доходили слухи о разногласиях среди заграничных социал-демократов. Мы знали, что и там появилась группа «молодых», в которую входил и ряд деятелей, выдвинутых новым агитационным периодом рабочего движения. Эти «молодые» составили оппозицию в заграничном «Союзе русских социал-демократов» и выступили против группы «Освобождение Труда». В чем собственно заключалась сущность этих разногласий, мы не знали. Я, в частности, плохо представлял себе участников этой борьбы. Лично я не знал ни одного из них, но имел лишь понятие о людях, входивших в состав группы «Освобождение Труда».

[1]) Кусковское «Кредо» было передано мне, для посылки Влад. Ильичу, А. М. Калмыковой и послано тотчас ему в ссылку. Вот чем объясняется, что оно дошло быстро. Название «Credo» было дано этому документу мною совершенно случайно: просто подвернулся во время писания химического письма этот термин, как более краткий. Кускова потом очень протестовала, почему документ назван «Credo»,—мы, мол, его таковым не считали. И Влад. Ил. при свидании выразил удивление, что окрещен «Credo» он был мною и случайно.

Прим. А. И. Елизаровой.

Само собою разумеется, к Плеханову, Аксельроду и Засулич я и мои товарищи чувствовали род некоторого пиетета, и для нас непонятно было, что собственно имеют «молодые» против Плеханова и его друзей.

Впрочем, разногласия, возникшие в нашей собственной ссыльной среде, отчасти позволяли догадываться о том, что происходит за границей. Я лично сделал предположение (впоследствии оправдавшееся на деле), что оппозиция против группы «Освобождение Труда», примерно, представляет то же, что и наши якутские ревизионисты. Это одно уже настраивало меня враждебно по отношению к ним. Каким-то образом, кажется, из какого-то письма, мы узнали, что во главе оппозиции стоит Б. Кричевский. Этого Кричевского лично знал Хинчук, бывавший за границей, и на мой вопрос о личности вождя «оппозиции» Хинчук дал о нем довольно отрицательный отзыв. Он охарактеризовал Кричевского как человека крайне честолюбивого, претендовавшего на место в первых рядах и давно уже составлявшего оппозицию Плеханову[1]). Кстати сказать, уже в конце 90-х годов за границей образовалась группа, в которой роль организатора играл Иогихес (впоследствии известный деятель польской социал-демократии и германского коммунизма Тышко, убитый шейдемановцами в 1919 г.), а роль теоретической и литературной силы упомянутый Б. Кричевский. Группа эта издала несколько марксистских брошюр, но этим, насколько я знаю, деятельность ее и ограничилась. Детронировать группу «Освобождение Труда» ей, понятно, не удалось.

[1]) У Кричевского было что-то мефистофелевское в выражении лица. Я помню, как на съезде Союза социал-демократов (о нем ниже) Плеханов говорил мне: «Посмотрите на его глаза. Ведь это настоящий Мефистофель!». Плеханов наполовину шутил, наполовину говорил серьезно. Кричевский состоял парижским корреспондентом «Форвертса» (в те времена это был почтенный орган и работать в нем являлось честью) и в своих корреспонденциях восхвалял Жореса и его тактику в деле Дрейфуса. Сам Кричевский был, разумеется, ярым дрейфусаром и поносил Гэда, отказавшегося стать на дрейфусарскую позицию. Попутно приходилось защищать или замазывать коалицию социалистов с буржуазией («левый блок») и вступление Мильерана в кабинет Вальдека-Руссо бок-о-бок с усмирителем Коммуны, пресловутым генералом Галифе. Мы считали статьи Кричевского оппортунистическими, но характерно, что редакция «Форвертса», по словам Кричевского, смотрела на дело иначе: она, наоборот, усматривала в них слишком ортодоксально-марксистский дух (что ею уже признавалось пороком) и многих корреспонденций Кричевского, старавшегося стать на промежуточную позицию между гэдизмом и жоресизмом, не помещала. Так далеко зашло уже в то время падение германской социал-демократии! Впоследствии Кричевский окончательно поправел, во время войны был ярым социал-патриотом (антантовского пошиба), а во времена Керенского приехал в Россию, кажется, в качестве корреспондента «Юманите» (тогда социал-патриотической). Я встретил его на «Демократическом Совещании» в Петербурге, при чем он важно заявил мне, что приехал бороться «с вами», т.-е. с большевиками. В последние годы он впал в сионизм, задатки к чему у него, впрочем, были уже в период редактирования им «Рабочего Дела».

Теперь, повидимому, возобновилась старая история—с той разницей, что на этот раз в составе оппозиции имелись люди, недавно прибывшие из России, участвовавшие активно в революционной борьбе и сохранившие связи с развивавшимся в стране рабочим движением. Ясно, что эта оппозиция была гораздо опаснее, чем первоначальная. Но какие именно политические разногласия скрывались за этой борьбой, находясь в ссылке, трудно было разгадать. Узнать об этом точно можно было только за границей.

Как раз к этому времени я собирался бежать из Якутска. Для меня заранее было ясно, что я примкну там к группе «Освобождение Труда», а не к ее противникам. Но все же я хотел осведомиться о том, чего хотят противники Плеханова, какие цели они себе ставят, и объективно разобраться в наметившихся разногласиях. Уже в Вене я встретил тов. Капелюша, некогда привлекавшегося в Одессе по нашему делу. Он был связан с одним из главных лидеров оппозиции, Тепловым, проживавшим прежде (до своего переезда в Швейцарию) в Вене. От Капелюша я впервые мог получить некоторые конкретные сведения о характере и составе оппозиции. Но эти сведения были несколько тенденциозного свойства, так как Капелюш стоял тогда скорее на позиции противников Плеханова и во всяком случае находился под влиянием Теплова, с которым у него, видно, были хорошие личные отношения. Разобраться толком, к чему сводится сущность разногласий, я в Вене не мог. Это можно было сделать только в Швейцарии, где и сосредоточились главные силы как оппозиции, так и группы «Освобождение Труда».

Из Австрии я направился в Цюрих, чтобы повидать там Павла Борисовича Аксельрода. К сожалению, я его дома не застал, так как он в то время уехал на совещание с Плехановым в Женеву. От членов его семьи я получил некоторые сведения об оппозиции, разумеется, слишком отрицательного свойства. Они охарактеризовали всю оппозицию, как группу мелких честолюбцев, тщеславных людей, желающих играть первую скрипку, но не имеющих для этого никаких данных. В частности, они указывали на то, что

оппозиция заражена бернштейнианскими тенденциями и нападает на группу «Освобождение Труда» за ее революционный и ортодоксально-марксистский характер.

В Берне я, наконец, увидел одного из лидеров оппозиции, Теплова. Там же я мог ознакомиться, хотя и бегло, с журналом «Рабочее Дело» [1]), который начала издавать оппозиция. Журнал этот был органом заграничного Союза с.-д., основанного некогда по инициативе группы «Освобождение Труда». Прежний орган Союза назывался «Работник» и выходил под редакцией группы «Освобождение Труда». Но когда, с наплывом новых эмигрантов из России большинство в Союзе получили «молодые», группа «Освобождение Труда» устранилась от редакции, орган Союза получил название «Рабочее Дело» и стал выходить под редакцией Кричевского, Теплова («Сибиряка») и В. Иваньшина.

Теплов категорически отрицал, что его единомышленники склоняются к ревизионизму или бернштейнианству. Он уверял меня, что все его товарищи определенно стоят на почве революционного марксизма, что в теоретическом отношении между ними и группой «Освобождение Труда» никаких разногласий нет. Все разногласия, по его словам, сводились к вопросам чисто организационного свойства. Члены группы «Освобождение Труда»,— говорил он,—совершенно оторвались от российской действительности, никаких связей с фактическим рабочим движением, развившимся в России, у них нет, и потребностей его они не понимают. Когда молодые, выдвинутые в период агитации, потребовали изменения характера заграничных социал-демократических изданий в смысле придания им более практического, злободневного и агитационного духа, чтобы таким образом приблизить их к потребностям борющейся рабочей массы,—они натолкнулись со стороны группы «Освобождение Труда» на решительное сопротивление. В конце концов, по словам Теплова, весь спор свелся к допущению представителей молодых в состав редакции заграничных изданий. Группа «Освобождение Труда» не хотела принять молодых в состав редакции и отказалась работать вместе с ними.

Это было чрезвычайно неясно. Я очень живо представлял себе, что члены группы «Освобождение Труда», действительно оторванные долгими годами изгнания от России, должны были бы с восторгом встретить молодых социал-демократов, явившихся с самого поля сражения и сохранивших связи с местным движением. С какой бы стати вздумали они отталкивать от себя молодых и отказываться от совместной с ними работы, если бы между ними не было серьезных разногласий? Добиться от Теплова ответа на этот вопрос было совершенно невозможно. Ознакомиться как следует с литературой «рабочедельцев» я в Берне не мог, так как провел там всего одну ночь. Но у меня с самого начала возникли подозрения, что дело обстоит не так просто, как в этом хочет убедить меня Теплов. Чтобы быть ближе к делам Союза заграничных социал-демократов, в котором в тот момент одинаково участвовали и плехановцы, и «рабочедельцы», я тут же, по предложению Теплова, записался под фамилией Невзорова в члены Союза, а затем отправился в Женеву, чтобы там лично познакомиться с Плехановым и на месте от основателей русской социал-демократии узнать точно, в каком положении находятся дела и что скрывается за борьбою фракций внутри Союза.

[1]) За 1899—1902 г.г. всего вышло 12 книжек (фактически 9, так как несколько номеров было двойных) этого журнала, а также 8 «Листков Рабочего Дела» в виде брошюр.

Плеханов произвел на меня, как и на всех, чарующее впечатление. Известно, какой это был блестящий собеседник и остроумный рассказчик. Когда он характеризовал мне отдельных членов оппозиции, вставая для этого с места, расхаживая по комнате и жестикулируя, я буквально покатывался со смеху. Между прочим, из рассказанных им анекдотов мне врезался в память один. Среди оппозиции находился бундист Копельзон (партийная кличка Тимофей или Гришин). Этот Копельзон был очень добродушный человек, плотный, с большими рыжими усами, в общем неглупый, хороший практик, но теоретически действительно несколько беспомощный. Я весьма сомневаюсь в том, чтобы он претендовал на место члена редакции заграничных изданий. Но обладавший злым языком Георгий Валентинович уверял меня, что дело обстояло именно так. И вот, рассказывал Плеханов, чтобы доказать тов. Тимофею нелепость его притязаний (которых, повторяю, я убежден, у него не было), Плеханов, дружески обняв его за талию, подвел к зеркалу и сказал ему: «Ну, посмотрите на себя в зеркало, разве такие редактора бывают?». Плеханов, добродушно хохоча, прибавил: «После этого Гришин отказался от желания быть редактором».

Это, конечно, мелочи. Суть же рассказа Плеханова заключалась в том, что среди оппозиции господствуют отчасти в скрытом, отчасти в открытом виде оппортунистические тенденции; что большинство из них стоит на позиции Бернштейна, и что во всяком

случае они «собственным умом» дошли до таких взглядов, которые весьма близки к бернштейнианству и ревизионизму. Именно потому, что массовое рабочее движение находилось тогда в России на первой стадии своего развития, Плеханов считал необходимою самую беспощадную борьбу с теоретическими шатаниями и с политическим оппортунизмом «молодых». Если он и его друзья отказывались допустить молодых в состав редакции или составить с ними общую редакцию, то объяснялось это, по словам Плеханова, вовсе не стремлением к какой-то «диктатуре», господству, вовсе не нежеланием не допускать «посторонних» и т. п., а исключительно сознанием невозможности совместной работы и предвидением того, что в ближайшем же будущем придется с оппозицией вступить в самую ожесточенную борьбу.

Я не помню точно, имелся ли уже в тот момент (это происходило в конце 1899 и в начале 1900 г.) в руках Плеханова знаменитый документ «Кредо»,—известное произведение г. г. Прокоповича и Кусковой,—или же он попал к нему в руки в скорости после того [1]). Но факт тот, что большинство молодых, если не прямо разделяли взгляды, изложенные в этом либеральном произведении, то сочувствовали им или во всяком случае его авторам, всячески стремились затушевать возможный от этого документа и развиваемых в нем взглядов вред и утверждали, что, открывая против него кампанию, революционные марксисты стреляют из пушек по воробьям. Этого одного было достаточно, чтобы показать, какие тенденции скрывались за громкими словами оппозиции о борьбе против «диктатуры» группы «Освобождение Труда».

Я, не колеблясь, принял в этом споре сторону группы «Освобождение Труда». К этому, как читатели уже знают, я был подготовлен заранее. Уже когда я отправлялся за границу, я решил поддерживать стариков. Теперь, после первых заграничных впечатлений, мое решение только укрепилось. Плеханов был очень рад моему появлению. В моем лице из России явился чуть ли не

[1]) Вероятно уже имелся, ибо авторы этого «Кредо» находились задолго до того за границей, и Плеханову приходилось с ними встречаться и полемизировать. Между прочим злоязычный Плеханов и на этот счет поведал мне пикантный анекдот. По его словам, г-жа Кускова однажды, ничтоже сумняшеся, заявила ему: «Ну, что ж, Георгий Валентинович, до сих пор вы стояли во главе революционного движения. Теперь пришла очередь Сергея Николаевича!» (т.-е. Прокоповича). Сущность взглядов этой почтенной парочки уже тогда не составляла секрета для Плеханова, который, как видно из «Вадемекума», состоял с нею в переписке (как и Аксельрод).

первый человек, который не примкнул к «молодым», а, напротив, определенно высказался против них и стал на стороне группы «Освобождение Труда». И я помню, как Плеханов говорил мне со скорбью: «Знаете, я уже думал, что мы действительно оторваны от России и потеряли контакт с местными людьми. За последнее время я вижу только таких, как Теплов, Иваньшин, Тимофей и т. п.». Около этого времени за границу прибыл и бежавший из Вятской ссылки Николай Эрнестович Бауман (партийная кличка «Полетаев»), впоследствии убитый черносотенцами в Москве в октябре 1905 года. Бауман тоже примкнул к группе «Освобождение Труда». Такие присоединения молодых эмигрантов, приезжавших из России, придавали Плеханову бодрости, внушали ему уверенность в своей правоте и, несомненно, толкали его к переходу в решительную атаку против «рабочедельцев».

Но за границей «рабочедельцы» в тот момент безусловно преобладали. Несчастье было в том, что публика, к ним примыкавшая, в общем и целом была с деловой точки зрения серьезнее, чем так называемые «плехановцы», стоявшие на стороне группы «Освобождение Труда». Среди последних были или люди, давно уже уехавшие из России и к новому движению не имевшие отношения, как, например, Кольцов (Гинзбург), Полинковский, Ефрон, или же совсем юные студенты вроде Лейтейзена (Линдов) [1]) и Гольденберга (Мешковский, впоследствии член Ц.К. большевиков).— Рабочедельцы же были людьми, в подавляющем большинстве работавшими непосредственно перед своей эмиграцией в России, участвовавшими в зарождении массового рабочего движения и имевшими в самой России большие связи, людьми, прошедшими практическую школу, полными энергии, не оторвавшимися от России, ездившими взад и вперед, доставлявшими в Россию литературу и получавшими оттуда сведения, корреспонденции, письма, деньги и т. д. Это придавало им крупную силу. Фактически они держали связь с Россией в своих руках и пользовались в первое время поддержкой местных российских организаций. Особенно же ценна была для них помощь Бунда, который «держал границу», через руки которого шли главные транспорты «нелегальщины»,

[1]) Лейтейзен не был уже совсем юным студентом в 1900 году. Эмигрировав в 1897 г. за границу после соц.-дем. дела в Екатеринославе, он провел уже 3 года за границей и определенно примкнул к группе «Освоб. Труда»; им была организована и группа «Искры» в Париже, в которой он был деятельным работником.

Прим. А. И. Елизаровой.

через посредство которого велась корреспонденция, поддерживались связи с Россией и который в тот момент находился на вершине своего развития. Бундовцы заключили с рабочедельцами самый тесный оборонительный и наступательный союз, и фактически именно они верховодили в оппозиции, именно они направляли все дело, именно они придавали «молодым» их силу.

В первое время оппозиция надеялась привлечь меня на свою сторону. С ее точки зрения всякий человек, прибывший из России, связанный с новейшими этапами движения, непременно должен был войти в ее ряды и поддержать борьбу против «зазнавшихся» и «отставших» стариков. Даже тогда, когда для рабочедельцев выяснилось, что я определенно стою на почве революционного марксизма, теоретически вполне солидарен с группою «Освобождение Труда» и намерен держаться вместе с нею, они не сразу изменили свое отношение ко мне, надеясь с моей помощью смягчить остроту конфликта. На это самое рассчитывали и плехановцы. И действительно, в первое время я пытался всячески примирить обе стороны и добиться какого-нибудь приемлемого компромисса. Плеханов не возражал против моих попыток, хотя не возлагал на них особенных надежд. Дальнейшие события показали, что попытки эти были обречены на неудачу. Но одного мне все же удалось добиться.

Типографией «Рабочего Дела» заведывал Михаил Сущинский. Некогда он примыкал к группе народовольцев «Летучего Листка», о которой я упоминал выше, но затем сделался социал-демократом (по крайней мере, так ему казалось). Бежав из ссылки за границу (за несколько месяцев до меня), он вошел в Союз русских социал-демократов. Сущинский не только был членом оппозиции, но и выделялся среди «молодых» своей горячностью и пылкостью, в частности своей ненавистью к Плеханову, которого он искренно считал человеком отставшим и склонным к личной диктатуре. Путаная голова, несколько бакунинского типа, он нападал на Плеханова не за его революционность, а как раз за его мнимые оппортунизм и умеренность, считая себя гораздо более революционным и «левым». Сущинский принадлежал к той разновидности «экономистов», которые искренно мыслили себя крайними левыми, а в сущности представляли в зародыше синдикалистские и анархические тенденции. Я уже указывал, что такие элементы попадались и в Якутской ссылке среди молодых социал-демократов. Забегая вперед, скажу, что впоследствии Сущинский и формально сделался анархистом [1]). Но в тот момент, когда я с ним познакомился, т.-е. в начале 1900 года, он был социал-демократом, марксистом, сторонником «чисто-рабочего» «революционного» движения, противником интеллигенции и т. п. Я поселился вместе с ним на квартире рабочедельской типографии и мог вести с ним долгие беседы.

В течение этих бесед мне нетрудно было убедить его в том, что он по своим взглядам во всяком случае стоит ближе к группе «Освобождение Труда», чем к большинству рабочедельцев, которые по существу стояли на оппортунистической позиции. Сущинский начал поддаваться на мои увещания. Внешне это выразилось в том, что он снова начал раскланиваться на улице с Плехановым (что он перестал делать до моего появления в Женеве). А внутренне это сказалось в решении Сущинского (которое я ему внушил после долгой борьбы) не отдавать типографии «Рабочее Дело» в случае раскола между обоими крылами ни одной из боровшихся сторон. Так как фактически типография находилась в распоряжении рабочедельцев, то это решение Сущинского (о котором мною Плеханов был заблаговременно осведомлен, и которому он, разумеется, сочувствовал) фактически отнимало в случае раскола типографию у оппортунистов и давало плехановцам шансы при будущем дележе имущества Союза получить часть ее в свое распоряжение. Так впоследствии и случилось в действительности, и это было большим плюсом для плехановцев, которые иначе остались бы без всяких средств пропаганды.

В январе 1900 г. в Париже скончался П. Лавров. Женевские эмигранты решили послать своего представителя для участия в похоронах Лаврова. Так как молодые эмигранты составляли большинство, а среди молодых тогда были почти одни с.-д., то Плеханову удалось провести на общем собрании женевской эмиграции мою кандидатуру. К величайшей неожиданности для группы «старых народовольцев», я получил подавляющее большинство на общем эмигрантском собрании и был назначен делегатом от женевской эмиграции (недовольные этим решением старые народовольцы на свой счет послали другого делегата из своей среды, а именно Галину Чернявскую). Поездку в Париж я решил исполь-

[1]) Что с ним было позже, я не знаю. Впоследствии я слыхал, что какой-то Сущинский очень плохо вел себя в 1905—1907 г.г. Но шла ли речь о Михаиле Сущинском, я выяснить не мог.

зовать, между прочим, и для примирения проживавших там социал-демократов. Надо знать, что одним из непосредственных поводов к жестокому конфликту между группой «Освобождение Труда» и оппозицией послужил отказ оппозиции, располагавшей большинством в заграничном Союзе социал-демократов, принять в состав Союза пятерых молодых плехановцев, выдвинутых группою «Освобождение Труда», желавшей таким образом усилить свое влияние в Союзе. Из этих молодых я припоминаю Лейтейзена (Линдова) и Гольденберга (Мешковского). Мне предстояло в Париже познакомиться с ними, равно как с Кричевским, который стоял во главе оппозиции, и попытаться вырвать у оппозиции согласие на прием пяти кандидатов-плехановцев в состав Союза социал-демократов.

Эта миссия моя увенчалась полным успехом. Правда, Кричевский, представлявший комок нервов, питал к Плеханову давнишнюю вражду и всячески боролся против моего предложения, но другие рабочедельцы после двухдневных дебатов, в которых я развил все свое красноречие, согласились, в конце концов, принять всех пятерых кандидатов-плехановцев. Они, видимо, все-таки опасались открытого объявления войны со стороны Плеханова и, должно быть, инстинктивно чувствовали, что если такая война вспыхнет, то в конечном счете им не сдобровать. Предчувствие их не обмануло.

В Париже я на этот раз пробыл всего несколько дней. Перед самым моим возвращением в Женеву в Париже получилась знаменитая брошюра «Вадемекум»[1]), в которой Плеханов открыто начал кампанию против оппозиции. Должен сказать, что появление этой брошюры было для меня полной неожиданностью; я, разумеется, знал, что группа «Освобождение Труда» собирается возобновить издание литературы независимо от «Рабочего Дела», знал, что она хочет в этих изданиях вести теоретическую борьбу против «экономистов». Но я не думал, что эти издания возобновятся в тот момент, когда я, с ведома и по поручению Плеханова и его товарищей, вел переговоры с рабочедельцами, а в частности не мог подозревать, что первая же брошюра будет иметь такой острый характер, в сущности срывающий дальнейшие переговоры. Несмотря на то, что я с Плехановым встречался ежедневно, что мы говорили о всевозможных вещах и в особенности о разногласиях

[1]) В ней были опубликованы знаменитое «Кредо», письма Кусковой и Прокоповича и т. п. документы с комментариями Плеханова.

внутри Союза, что отношения у нас были самые приятельские и что между нами царило полное единомыслие, хитроумный дипломат Георг Валентинович не счел нужным сообщить мне о том, что «Вадемекум» находился уже в наборе и что он должен на-днях выйти в свет. Возможно, впрочем, что он осторожно намекал мне на предстоящее появление этой брошюры, но во всяком случае в таких затушеванных выражениях, что я не мог догадаться, в чем дело. А, может быть, он опасался, что в случае, если он заранее поставит меня в известность о предстоящем выходе этой книжки, то я не проявлю достаточной энергии в деле проведения его кандидатов в Союз. Так или иначе, но появление «Вадемекума» было для меня не меньшим сюрпризом, чем для рабочедельцев и бундистов, хотя последние ни за что не хотели поверить этому и были убеждены, что я заранее знал обо всем, но дипломатически молчал, чтобы тем вернее вырвать у них согласие на утверждение плехановских кандидатов.

Так или иначе, но с этого момента борьба между группой «Освобождение Труда» и рабочедельцами развернулась во-всю. Это было плохим предзнаменованием для предстоявшего в скорости съезда заграничного Союза, на котором должен был рассматриваться вопрос о разногласиях внутри этой организации и быть сделана последняя попытка избежать открытого ее раскола.

Рабочедельцы не остались, разумеется, в долгу. Они напечатали ответ на «Вадемекум»[1]). Ответ был коллективный, но от этого убедительность его не усилилась. Принципиальные разногласия рабочедельцы пытались свести к мелким организационным счетам. А между тем с каждым днем накоплялись новые факты, свидетельствующие о том, что в лагере оппозиции что-то гнило. Не говоря уже о том, что собственные произведения рабочедельцев, их программа, содержание статей в их журнале свидетельствовали об уклоне в сторону политического оппортунизма, правое крыло молодой оппозиции как раз в это время дошло до геркулесовых столпов. Это правое крыло представлялось группой К. Тахтарева. Некогда этот Тахтарев входил в состав «Петербургского Союза борьбы». К моменту, когда Тахтарев со своими товарищами стал руководить Союзом, состав последнего сильно изменился. Это был уже не тот Союз средины 90-х

[1]) Эта брошюра называлась «Ответ редакции «Рабочего Дела» на «Письмо» П. Аксельрода и «Vademecum» Плеханова» (речь идет о письме Аксельрода в редакцию «Рабочего Дела», тоже вышедшее отдельной брошюрой еще до «Вадемекума»).

годов, в котором участвовал Ульянов (Ленин) и другие. Теперь, под руководством Тахтарева, Союз принял определенно «экономическое» направление. Он издавал газету «Рабочая Мысль», в которой резко формулировались взгляды «экономизма». Вместо самостоятельной политической партии пролетариата сторонники «Рабочей Мысли» пропагандировали федерацию стачечных касс, которые должны были заменить собой партию. Ясно, что такой суррогат партии мог ставить себе только ближайшие экономические цели и способен был только мешать рабочему авангарду вести настоящую политическую борьбу. Все это бессознательно шло в пользу либеральной буржуазии, которая одна могла использовать эту узкую «экономическую» тенденцию и стать во главе политической борьбы за низвержение самодержавия. Таким образом, группа «Рабочей Мысли» подобно авторам «Кредо» сознательно или бессознательно работала в руку буржуазному либерализму и задерживала развитие рабочего класса. Когда, кажется, после первых двух номеров газета «Рабочая Мысль» в результате полицейских преследований принуждена была перенести свое издание за границу, и Тахтарев поселился в Лондоне« эта «экономическая» тенденция «Рабочей Мысли» была еще более заострена. Как раз в тот момент, когда борьба между плехановцами и рабочедельцами разгорелась, и когда последние отрицали наличность принципиальных разногласий между стариками и молодыми, появился, если мне память не изменяет, 7-й номер «Р. Мысли» (он вышел осенью 1899 года) с знаменитым «Приложением» к нему, в котором все прошлое революционного движения в России охаивалось самым беспардонным образом, политические задачи рабочего движения вышучивались и т. д. Рабочедельцы были страшно смущены медвежьей услугой своего соратника, а плехановцы торжествовали, получив в руки блестящее доказательство правоты своих обвинений против оппортунизма «экономистов». И это было накануне съезда!

В связи с разгаром теоретических дебатов между обеими тенденциями естественно начали портиться и личные отношения. Теперь рабочедельцы уже не относились ко мне так дружественно, как в первое время. Убедившись в том, что в моем лице они имеют ожесточенного противника их тенденции и ярого сторонника Плеханова, они прониклись величайшим ко мне недоверием. Я уже говорил, что проживал в комнате Сущинского, примыкавшей к типографии «Раб. Дела». Эта комната находилась в распоряжении Сущинского, как заведующего типографией. В то время

в типографии набирался ответ редакции «Рабочего Дела» на плехановский «Вадемекум». И вот проживавший в Женеве член редакции «Раб. Дела» Иваньшин потребовал от Сущинского, чтобы тот удалил меня с этой квартиры ввиду того, что я, как сторонник Плеханова, способен разоблачать секреты «Рабочего Дела» и выдавать их группе «Освобождение Труда». Сущинский категорически отказался выполнить требование редакции. Тогда начался конфликт уже в собственном лагере «Р. Дела». Озлобленный придирками, Сущинский твердо решился под влиянием моих увещаний не только не уступать притязаниям Иваньшина, но и не признавать исключительного права редакции «Р. Дела» на распоряжение типографией. Надо заметить, что эта типография была первоначально основана группой «Освобождение Труда», юридически составляла собственность всего Союза русских с.-д., затем фактически попала в руки молодых, но, хотя и была ими пополнена и улучшена, все же по праву принадлежала не им одним. Как я уже выше говорил, после происшедшего на Съезде раскола заграничного Союза социал-демократов, Сущинский отказался передать типографию «Рабочего Дела» редакции журнала, на время закрыл ее, а затем часть ее досталась-таки группе «Освобождение Труда» и основанной ею организации «Социал-Демократ».

Наступило время Съезда заграничного Союза социал-демократов, который должен был разрешить вопрос о конфликте между его правым и левым крылом. Съезд состоялся в начале апреля 1900 года в Женеве. Обе стороны мобилизовали все свои силы. На съезде рабочедельцы обладали подавляющим большинством. Однако в их среде не было полного согласия. У них тоже были свои крылья. На крайнем правом крыле стояла уже упомянутая мною группа «Р. Мысль» во главе с Тахтаревым. К этой группе примыкали также Якубова, жена Тахтарева, и Лохов. Центр «Р. Дела» состоял из редакции «Рабочего Дела», Кричевского, Теплова и Иваньшина (последний, впрочем, во многих пунктах стоял ближе к правым). К этому центру примыкал Махновец (Акимов) и большинство делегатов съезда. Но было в группе «Р. Дела» и левое крыло, которое принципиально скорее склонялось к группе «Освобождение Труда», но имело с нею организационные счеты. Из этого левого крыла я помню Бухгольца. Этот Бухгольц был немец, но воспитание свое получил в России, участвовал в русском революционном движении, был арестован, кажется, в конце 80-х годов и выслан, как иностранец за гра-

ницу. Однако он сохранил связь именно с русским революционным движением и, проживая в Берлине, оказывал ему большие услуги. Это был очень симпатичный, честный, но крайне нервный и увлекающийся человек. После октябрьской революции он на время приезжал в Россию, колебался в своих симпатиях между большевиками и меньшевиками и, в конце концов, снова вернулся за границу. Что с ним теперь, я не знаю.

Из участников съезда я помню, во-первых, группу бундистов, которая, как я указывал уже выше, играла в Союзе решающую роль, как потому, что в ее рядах были сосредоточены очень крупные организационные силы, так и потому, что она поддерживала обширные связи с Россией. В этой группе были Тимофей (он же Гришин, Копельзон), Милль, ведавший делами перевозки литературы, и М. Гольдман (впоследствии известный правый меньшевик Либер). Не помню, присутствовали ли на съезде А. Кремер, Глеб (Мутник) и другие руководители бундистов.

Редакция «Р. Дела» была представлена в полном составе. Кричевский, Теплов, Иваньшин, вместе с своим пылким адъютантом Акимовым (Махновец), составляли руководящую группу. Кроме них на съезде участвовали Коган (Гриневич или Круглов), тогда молодой студент, проживавший в Берлине), а впоследствии известный меньшевистский деятель профессионального движения; приват-доцент химии Тихвинский, фигурировавший на съезде под псевдонимом Брея (этот самый Тихвинский впоследствии оказался замешанным в деле белогвардейскаго заговора в Петербурге и был расстрелян в 1920 г.). Бухгольц и Инна Гермогеновна Смидович занимали на съезде промежуточную, примирительную позицию, при чем первый стоял ближе к «Рабочему Делу», а вторая к группе «Освобождение Труда». Присутствовал на съезде и М. Сущинский, но он уже явно относился враждебно к рабочедельцам и держался ближе ко мне.

Из плехановцев, кроме самого Плеханова и Аксельрода, на съезде присутствовали я, Бауман (псевдоним: Полетаев), Кольцов (Гинзбург), Линдов (Лейтейзен), Гольденберг (Золотов, а впоследствии Мешковский). Присутствовала, кажется, также Л. Аксельрод (Ортодокс) или ее сестра, И. Аксельрод.

Сначала съезд протекал довольно мирно. Я от имени плехановцев произнес на съезде длинную обвинительную речь против рабочедельцев. Точного содержания ее я сейчас не помню. При-

поминаю только, что я, цитатами из произведений рабочедельцев и рабочемысленцев, доказывал политический оппортунизм молодой оппозиции и опровергал ее обвинения против группы «Освобождение Труда». В особенности резко нападал я на «Рабочую Мысль», сравнивая ее выходки против предшествовавшего революционного движения со статьями Щебальского в «Русском Вестнике». Мне возражали Кричевский и другие. Затем взял слово Круглов и стал самым резким образом нападать на группу «Освобождение Труда». Выходки этого юнца, о революционной деятельности которого я ничего не знал, глубоко меня возмутили. Рядом со мною сидел Бухгольц, который казался мне в общем симпатизирующим нашему направлению. Мы шопотом с ним переговаривались во время речи Круглова. Он тоже, видимо, был недоволен резкостью оратора, тревожно вертелся на стуле и все говорил мне: «Нельзя ли как-нибудь все это прекратить и добиться примирения?». Я тоже шопотом ответил ему: «Да, нужно, разумеется, добиваться примирения, но меня глубоко возмущает, когда мальчишки, не видавшие в глаза жандармов, осмеливаются поносить старых заслуженных революционеров!».

Боже, что тут произошло! Бухгольц вдруг вскочил как ошпаренный, на губах его выступила пена, глаза его выкатились, волосы стали дыбом.

— Товарищи, нас оскорбляют!—завопил он, как одержимый.—Я не позволю оскорблять своих товарищей.—И он сделал попытку броситься на меня. Гольденберг охватил его сзади руками, как на известной картине Мейссонье «Драка», и держал его изо всех сил, не давая ему вырваться. Все члены съезда вскочили с мест. Бухгольц кричал: «Он называет нас мальчишками, не видавшими жандармов!». Тогда всеми рабочедельцами овладел настоящий припадок бешенства. Со всех сторон они кинулись ко мне. Плеханов, сидевший близко к двери, вышел из зала. За ним последовала еще пара его товарищей. Я остался посреди комнаты и стоял совершенно спокойный, скрестив руки на груди. На всякий случай я поставил перед собою стул, чтобы в надлежащую минуту обороняться им от окруживших меня 20 разъяренных «экономистов». За мною стоял Сущинский и готов был, как он впоследствии мне рассказывал, в случае нужды прийти мне на помощь. Вероятно, вдвоем с Сущинским мы отбились бы от рабочедельской братии. Теплов, прыгая передо мною (он был очень маленького роста, с длинной, черной бородой), кричал:

«Вы должны взять обратно свои слова!». Слева Бухгольц все продолжал рваться из рук Гольденберга. Справа Инна Смидович, уронив голову на стол, истерически рыдала. В конце концов, дело до драки не дошло. Я своих слов обратно не взял, а торжественно вышел из зала среди расступившихся рабочедельцев. Вслед за мною ушли Гольденберг, Сущинский и еще кое-кто.

Внизу на улице прохаживался Плеханов с кем-то из товарищей. Он был очень взволнован и говорил мне: «Вы видите, Юрий Михайлович, с этими господами нельзя иметь никакого дела. Раз они доходят до того, что хотят нас бить, я считаю невозможным участвовать больше на съезде». Я старался переубедить его, доказывая, что наша позиция выигрышна во всех отношениях. Во-первых, молодые получили урок и теперь будут сдержаннее; во-вторых, моральная победа осталась за нами, так как я своих слов не взял обратно, а эпитет, отпущенный мною по их адресу, остался в силе; в-третьих, они осрамились попыткой учинить физическую расправу, а, в-четвертых, политическая позиция их скомпрометирована и ничего серьезного по существу против наших обвинений они сказать не могут. Поэтому я настаивал на том, чтобы продолжать наше участие на съезде и добиться определенной политической резолюции, которая или даст нам полное удовлетворение, сделает положение «экономистов» невозможным и во всяком случае заставит их левую группу порвать с правой, или же, если резолюция будет принята в их духе, разоблачит их окончательно перед всеми социал-демократами. Но Плеханов категорически отказался от дальнейшего участия в съезде. Видимо, личные грубые нападки Круглова, против которых большинство съезда не протестовало, его очень задели.

Съезд фактически был таким образом сорван. Тщетно рабочедельцы, сами испугавшись того, что они наделали, пытались замазать произошедший инцидент. Напрасно Акимов на следующий день, по поручению своих товарищей, обходил плехановцев, убеждая их вернуться на съезд и обещая, что больше таких сцен не повторится. Плехановцы на съезд не пошли, предоставив рабочедельцам делать, что им угодно. Сам же Плеханов решил с примыкающим к нему меньшинством образовать новую организацию под названием «Революционная организация Социал-Демократ». Получение части типографии Союза было мною ему обеспечено.

Я в эту организацию не вошел, и это был, пожалуй, первый крупный политический промах в моей жизни. Я видел, что у Плеханова в тот момент фактически никаких сил за собой не было. Те из членов Союза, которые остались ему верны и вошли в новообразованную им организацию, и сами по себе были тогда слишком юными и слабыми и не имели абсолютно никаких связей с фактическим рабочим движением в России. Да и в самой группе «Освобождение Труда» единственной серьезной силой (да и то по преимуществу литературной) был Плеханов. Аксельрод и Засулич были уже тогда старыми, больными, они утратили свою энергию и в лучшем случае могли время от времени дать какую-нибудь статью. Я не усматривал в окружении Плеханова никаких сил, с помощью которых можно было бы создать действительную организацию, способную бороться с рабочедельцами, в особенности, если принять во внимание, что на стороне последних стоял Бунд. Мне казалось, что окончательно порвать с рабочедельцами как с целым, не попытавшись предварительно оторвать от них склонные к нам элементы, значило обречь себя на долговременное бессилие и в данный момент окончательно оторваться от рабочего движения в России. Я не знал тогда еще того, что уже знал Плеханов, а именно, что из России собираются приехать за границу Ленин, Потресов и Мартов и что Плеханов, идя на разрыв с «Рабочим Делом», рассчитывает в скорости найти поддержку в силах более серьезных, чем рабочедельцы, и имеющих не меньше, чем они, связей в России. Словом, я остался в стороне от организации «Социал-Демократ», хотя теоретически вполне ей сочувствовал, был с нею принципиально солидарен и решил сделать еще одну попытку создать общую организацию из плехановцев и тех рабочедельцев, которые, по моему мнению, могли встать на позицию группы «Освобождение Труда». С такими мыслями я и уехал в Париж. Здесь я встретил незадолго до того приехавшего за границу Д. Рязанова, стоявшего в общем на той же точке зрения, что и я. Он тоже был «ортодоксом», противником «экономизма», но также считал возможным объединить плехановцев с частью рабочедельцев и таким путем создать большую организацию. Рязанов привлек на нашу сторону рабочедельца Э. Гуревича (Е. Смирнова), с которым был связан старой дружбой. Этот Смирнов некогда (в конце 80-х годов) был народовольцем, затем сделался марксистом, а впоследствии сильно поправел, после 1905 г. отошел даже от меньшевиков, работал с группой «беззаглавцев» (Прокопович, Кускова

и пр.) и превратился в их единомышленника. Но в рассматриваемое время он выступал в качестве марксиста, хотя довольно умеренного, и сторонника политических задач рабочей партии. Участие Смирнова в нашей группе мне очень не нравилось (я помню, как Кричевский издевался, ехидно спрашивая меня: «Что, Смирнов тоже обличает наш оппортунизм?»), но я ничего не мог поделать.

Втроем мы составили инициативную группу, ставившую себе задачей объединение всех социал-демократических сил, согласных стать на почву революционного марксизма. Приезда товарищей из России мы, по крайней мере я, ждали с нетерпением, надеясь, что они, как люди в эмиграции новые, к старым заграничным счетам и склокам непричастные, послужат связующим звеном между стариками и молодыми. Мы были уверены, что их приезд даст толчок делу объединения. Если же нет, то во всяком случае он оживит социал-демократическую работу за границей. Я изучал французскую жизнь, полемизировал с народовольцами и первыми эс-эровскими ласточками, воевал с «экономистами» и все ждал известия о прибытии россиян (будущих «искровцев»).

2. Разногласия с искровцами.

Из проживавших тогда в Женеве молодых эмигрантов я особенно сблизился с Бауманом (Полетаев). Вместе со мною он был одним из немногочисленных приверженцев Плеханова среди молодых социал-демократов. Уже это одно сближало нас. Но, кроме того, у Баумана был очень симпатичный и мягкий характер. Не будучи сам теоретиком по натуре, Бауман чувствовал преимущественно склонность к организационной, практической работе. Он с нетерпением дожидался приезда группы россиян во главе с Лениным, при чем ни на минуту не сомневался, что я с этой группой войду в самые близкие отношения. Мы условились перед моим отъездом в Париж, что, как только эти российские товарищи прибудут, он переговорит с ними о моей будущей совместной с ними работе и, в случае их согласия, вызовет меня в Женеву.

Скоро (это было летом 1900 года) я получил от него телеграмму, извещавшую меня о прибытии ожидавшихся товарищей и вызывавшую меня срочно в Швейцарию. Я немедленно пустился в путь. Перед тем, как повидать россиян, я встретился с Бауманом, кото-

рый проживал тогда в горах над швейцарским городком Нионом. При личной встрече Бауман сообщил мне, что он переговорил уже с Лениным, и что тот очень хочет со мной повидаться. Бауман высказал предположение, что мы с Лениным сойдемся самым дружеским образом, так как взгляды наши вполне совпадают.

На следующий день мы отправились к Ленину. Он проживал в нескольких верстах от Женевы в крестьянском доме. С ним вместе находился и Потресов (Мартов почему-то задержался в России). У нас с Лениным состоялась довольно продолжительная беседа, выяснившая полную солидарность наших воззрений на общие задачи российской социал-демократии и на ближайшие задачи нашей партии. Я не сомневался в том, что у нас установится самое тесное товарищеское сотрудничество. Ленин мне очень понравился. Особенно прельщала его улыбка и удивительно живые, полные ума глаза. Потресов понравился мне гораздо меньше, вернее сказать, вовсе не понравился. Я каким-то инстинктом почуял в нем человека другого лагеря, случайно заблудшего в семью революционной социал-демократии. И меня, по правде сказать, удивило, что он вместе с Лениным становится во главе обще-революционного предприятия.

Вскоре после этого, не помню в тот же или на следующий день, состоялось совещание с участием Плеханова и, если память мне не изменяет, В. Засулич. Мы, т.-е. Ленин, Потресов, Плеханов, Засулич, Бауман и я, расположились на лужайке под ветвистым деревом и там обсуждали программу общероссийской социал-демократической газеты, впоследствии получившей название «Искра», и теоретического журнала партии («Заря»).

По отношению к «Рабочему Делу» и к «экономистам» единогласно была признана необходимость самой беспощадной теоретической борьбы. Но попытка соглашения и организационного объединения с ними не исключалась. Эта попытка была впоследствии сделана на объединительном съезде в Цюрихе и закончилась, как мы ниже увидим, неудачей. Говорили также об отношении к Бунду и к польскому движению. Претензии Бунда на автономию внутри единой партии были всеми отвергнуты. При этом подчеркивалось и то, что Бунд является главной опорой «экономизма». Что касается поляков, то я был, кажется, единственным, который защищал соглашение с Польской Социалистической Партией (П. П. С.). Я находился еще тогда под влиянием польских товарищей, попавших в якутскую ссылку (Строжец-

кий, Петкевич и Абрамович), и не успел разобраться в истинном характере этой социал-патриотической группы. Здесь действовало также и то, что польская социал-демократия в тот момент находилась в периоде полнейшего упадка. Но и Плеханов, и Ленин одинаково решительно высказывались против Польской Социалистической Партии. Вот почему меня удивляет указание Мартова в его «Записках социал-демократа», будто Ленин, во время своего тюремного заключения в 1896 г., решительно склонялся на сторону Польской Соц. Партии против Розы Люксембург и польских социал-дем. Во всяком случае, если это и имело тогда место, то к моменту моей встречи с Лениным, т.-е. четыре года спустя, взгляды его на эту партию, повидимому, радикально изменились. Во всяком случае он с Плехановым склонялись к тому, чтобы открыто не заявлять о своем отношении к программе П. П. С., сводившейся, как известно, к пропаганде отделения от России и создания самостоятельного польского государства. Я помню, как Плеханов, в ответ на мое требование высказаться по этому пункту, с тонкой улыбкой заметил: «А зачем нам связывать себя? Нужно будет—признаем одно, а изменятся условия—возьмем свое признание обратно». В то время Плеханов еще не был поклонником «демократических» фетишей и руководился исключительно интересами классовой политики пролетариата.

Это совещание снова подтвердило полную солидарность, господствовавшую между всеми его участниками. Тем не менее мои надежды на установление полной близости с Лениным (я имею в виду близость организационную) не оправдались. По причинам, мне до сих пор неизвестным, ленинская группа через Баумана предложила мне временно быть только ее парижским представителем. Сам Бауман был также очень разочарован неожиданным и для него исходом переговоров. Очень возможно, что на Ленина в этом вопросе действовали члены группы «Освобождение Труда», недовольные мною за то, что я после раскола на рабочедельском съезде не вступил в созданную ими организацию «Социал-Демократ». Мне пришлось таким образом вернуться в Париж в известном смысле не солоно хлебавши, и я чувствовал, что что-то недоговоренное осталось между нами и что в будущем трения неизбежны. Так оно и оказалось на деле. Впоследствии я неожиданно узнал, что одновременно со мною или вскоре после моего назначения представителем «Искры» и «Зари» в Париж назначен был также проживавший там тов. Лейтейзен (Линдов). Так как наличность двух представителей одной и той же организации порождала невольные недоразумения, то я отказался от представительства искровской группы.

Это я мог позволить себе тем легче, что не был связан с этой группой организационными связями. Среди других группировок искровцы представляли собою тогда именно только группу, да и то преимущественно заграничную: связи с самой России она только начинала тогда налаживать. Формально рабочедельцы в тот момент в праве были в большей мере, чем «Искра», претендовать на представительство партии. Впрочем, в то время партии, как таковой, не существовало. Центральный Комитет погиб вскоре после первого съезда 1898 года в Минске, местные организации были слабы и не связаны друг с другом. И при таких условиях режим групп оказывался не только естественным, но и законным.

Из этих групп главными были тогда «Искра» и «Рабочее Дело». Произойдет ли воссоединение партии путем устранения одной из этих групп или же путем их слияния, в тот момент было неясно. Во всяком случае попытка добиться соглашения между ними представлялась не только допустимой, но и прямо необходимой. И наша группа с новой энергией взялась за разрешение этой задачи, облегчавшейся тем обстоятельством, что среди искровцев и среди рабочедельцев имелись элементы, склонные к соглашению. Не нужно еще забывать, что рассматриваемый момент был периодом возрождения народничества в лице начавшей складываться «партии социалистов-революционеров», и многие из нас чувствовали, что в лице этой партии возникает опасный и ожесточенный враг рабочей партии, и что для успешной борьбы с нею необходимо сплочение всех марксистских сил.

Что мысль о возможности объединения плехановцев с частью рабочедельцев была в то время не совсем беспочвенной, видно из того, что когда за границу прибыли будущие искровцы, то они по существу этой мысли не отвергли. По настоянию нашей группы, не имевшей тогда еще определенного названия и организации, решено было созвать объединительный съезд обоих направлений с участием вновь прибывших из России товарищей.

Предварительно состоялось объединительное совещание в Женеве, которое должно было наметить программу будущего съезда. На этом совещании, происходившем в июне 1901 г., я представлял нашу группу инициаторов, Кричевский—рабочедельцев, а Мартов—искровцев. Присутствовали еще, кажется, второй делегат от «Союза русских с.-д.» Акимов, представитель

Бунда Коссовский, представитель «Револ. организации Социал-Демократ» Кольцов и от группы «Борьба» Е. Смирнов (именно такой состав совещания указывает Мартов в своей «Истории»), но я что-то не припоминаю их выступлений; если такие выступления и были, то, повидимому, слишком бледные, и потому невольно изгладились из моей памяти.

На совещании дело проходило с внешней стороны очень гладко. Кричевский, который, кстати сказать, среди рабочедельцев был одним из левых, по существу не возражал против выдвигавшихся мною и Мартовым положений в плехановском духе. Может быть, он все принимал так легко на словах для того, чтобы затем не исполнять на деле (обычный прием оппортунистов); но в общем он не спорил против самых острых политических тезисов.

Между прочим, я предложил на этом совещании определенно включить в программу наши республиканские требования. До тех пор, по примеру германских с.-д. считалось почему-то нужным этот пункт затушевывать. Но у нас, русских революционеров, совершенно отсутствовали те мотивы, которые в этом пункте побуждали германских с.-д. к «благоразумию». Когда я предложил включить в проект вырабатываемой нами общей платформы определенное заявление о том, что мы, русские с.-д., ставим своей ближайшей задачей установление демократической республики, Мартов с восторгом подхватил мою мысль, глубоко убежденный, что Кричевский станет против нее возражать и что тут-то его и можно будет «закопать». Но, к нашему удивлению, Кричевский никаких особых возражений против предложенного мною новшества делать не стал, и пункт этот прошел единогласно.

Как бы то ни было, предварительные переговоры сошли вполне благополучно, проект общей платформы принят был единогласно [1]) и постановлено было созвать в ближайшем будущем объединительный съезд представленных на совещании организаций.

[1]) Кроме пункта о терроре, как читатель увидит ниже. Для понимания этого, странного на первый взгляд, обстоятельства нужно знать, что рабочедельцы в тот момент увлекались террором. То, что именно умеренное крыло социал-демократии поддалось этому модному тогда увлечению, не может удивить человека, знакомого с историей политических партий. Перескоки с крайнего правого на крайний левый фланг обычны для колеблющихся и принципиально невыдержанных элементов. После выстрела Карповича и первых эс-эровских выступлений рабочедельцы вдруг почувствовали влечение, род недуга, к террору (в теории, по крайней мере). После студенческих волнений 1901 г. Листки «Рабочего Дела» объявили начало «штурма» на самодержавие. Но в террористических слабостях «Раб. Дела» была и другая сторона. Обвиняемые в оппортунизме, они ужасно хотели доказать несправедливость этого обвинения и, вследствие своей неустойчивости, впадали невольно (иногда, может быть, и вольно) *в вигизм*. Отсюда и призывы к немедленному «штурму», и отказ от принципиального осуждения террора. Возможно, что тут играло некоторую роль и желание на случай борьбы с искровцами найти себе союзников, хотя бы в лице левых народников. Наконец, рабочедельцы в своем отношении к вопросу о терроре могли (отчасти тоже бессознательно) руководствоваться чувством противоречия: раз «Искра» сразу взяла против террора резко отрицательный тон, уже одно это обстоятельство могло настраивать рабочедельцев на обратный тон. Много исторических курьезов объясняется законом противоречия...

Приводим платформу, принятую на женевском совещании [1]). Она чрезвычайно интересна в двояком отношении. Во-первых, из нее ясно видно, какие вопросы занимали в тот момент социал-демократическую мысль и какие разногласия разделяли обе фракции марксистского лагеря. А, во-вторых, платформа эта определенно свидетельствует о том, что в рассматриваемое время мысль о возможности объединения всех с.-д. сил была не беспочвенной (как это подтверждается первыми же строками платформы). Итак, вот платформа, единогласно принятая на Женевском совещании.

Конференция из представителей Союза Р. С.-Д., заграничной организации «Искры» и «Зари» и Револ. Организации «Социал-Демократ», констатируя, что между представленными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации; что русская социал-демократия в целом, несмотря на частные разногласия, всегда стояла и продолжает стоять на общей почве основных принципов, впервые формулированных группою «Освобождение Труда»; что насущные интересы социал-демократического движения настоятельно требуют тесного сплочения всех социал-дем. сил в России и, в частности, социал-демократических заграничных организаций, — сплочения, для которого особенно работал Союз Р. С.-Д. своею издательскою и организационною деятельностью, что составляет его заслугу перед русским социал-демократическим рабочим движением,—заявляет, что названные организации объединяются в «Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и кладут в основу своего соглашения нижеследующие пункты:

[1]) Эту платформу, равно как и поправки к ней, мы заимствовали из брошюры «Два съезда», изданной «Союзом русских социал-демократов» в 1901 г. в Женеве.

I. Пункты принципиального соглашения.

1. Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социал-демократией, мы отвергаем всякие попытки внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата, выразившиеся в так назыв. экономизме, бернштейнианстве и мильеранизме.

2. Заявляя свою солидарность с Манифестом Российской Соц.-дем. Рабочей Партии (1898 г.) и с основными традициями русской социал-демократии, мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения.

3. Условия исторического развития России выдвигают перед Росс. Соц.-Д. Рабочей Партией, стоящей на почве революционного классового движения пролетариата, задачу вести борьбу с абсолютизмом во главе всех угнетенных слоев нации.

4. В круг деятельности социал-демократии входит: а) руководство всеми проявлениями борьбы пролетариата против всех форм политического, экономического и социального угнетения в целях превращения недовольства и возмущения рабочего класса в сознательную борьбу за демократическую республику и социалистический строй; б) поддержка всех, направленных против существующего политического строя, прогрессивных движений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и борьбы за демократию; в) распространение идей научного социализма, обоснование и развитие социалистической теории и идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма.

5. Мы признаем, что в своей практической деятельности социал-демократическая партия в России должна руководствоваться следующими тактическими положениями: а) во всех сферах организационной и агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую политическую задачу пролетариата—низвержение самодержавия; б) к развитию политического и социалистического сознания рабочего класса следует стремиться путем агитации не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом, но и на почве общего положения пролетариата и трудящихся масс вообще в государстве и обществе; в) не признавая, чтобы социал-демократия в своей агитации могла приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадии чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования, мы находим, что общее содержание социал-демократической агитации должно всегда определяться общим социально-политическим положением рабочего класса и основными положениями социал-демократической программы; г) признавая, что социал-демократия должна в своем отношении к элементарным формам проявления классового движения пролетариата быть движущей вперед силой, мы именно поэтому считаем необходимой в интересах рабочего движения критику течений, возводящих в принцип социалистической деятельности элементарность и вытекающую из нее узость этих низших форм движения; д) при выборе средств борьбы с современным режимом социал-демократия должна руководствоваться соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

II. Проект договора.

1) Организации Союз Рус. Социал-Дем., Заграничная организация «Искры» и «Зари», Революц. Организация «Социал-Демократ» и группа из трех лиц, по инициативе которых была созвана конференция, объединяются в одну организацию под названием—Заграничный Комитет Российской Социал-Демократ. Рабочей Партии. 2) Устав Комитета и общие инструкции редакциям будут выработаны на ближайшем общем съезде всех членов организаций. 3) Членами организаций ко времени съезда признаются товарищи, состоявшие членами Союза, «Искры» и «Социал-Демократа» во время конференции, а также три члена группы, по инициативе которой была созвана конференция. *Примечание а.* Кроме того, 4 члена Союза, 1 член «Искры» и 2 члена «Социал-Демократа» имеют право, в случае возвращения в Западную Европу, вступить в Комитет без баллотировки. *Примечание b.* Новые члены вступают непосредственно в Комитет. 4) Назначенной съездом администрации каждая организация отдает по описи следующее: а) типографии, б) склады, в) все текущие счета, как актив, так и пассив. 5) В области конспиративной работы все члены Комитета обязуются оказывать администрации полное содействие. 6) Администрация назначается на ближайшем съезде путем утверждения 2-х кандидатов, предложенных Союзом, 1-го «Искрой» и 1-го Рев. Орг. «Социал-Демократ». Пятый член администрации будет назначен путем кооптации по единогласному решению четырех избранных членов. *Примечание.* Эта администрация функционирует до следующего очередного съезда, имеющего быть во 2-й половине 1903 г. 7) Ближайший съезд назначает путем утверждения три редакции: 1) редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря», избранные организацией «Искры», 2) редакцию «Р. Дела» и его Листков, избранную Союзом Р. С.-Д. 3) редакцию «Библиотеки Современного Социализма» и «Рабочей Библиотеки», избранную Революц. Организацией «Социал-Демократ». *Примечание.* Эти редакции функционируют до следующего очередного съезда 1903 г. 8) Вопрос об установлении нового порядка назначения администрации и редакций будет решен на съезде 1903 года большинством $^2/_3$ голосов. 9) Первые две редакции пользуются также правом издавать брошюры. *Примечание.* Вопрос о создании нового периодического органа одною из трех редакций решается Советом Комитета. 10) Все суммы, получаемые членами Комитета на революционные цели, входящие в круг его деятельности, хотя бы и со специальным назначением, поступают в общую кассу Комитета. Исключение составляют: пожертвования, сделанные отдельными частными лицами, живущими за границей—не меньше 500 руб. единовременно, или в России—не меньше 200 руб. единовременно со специальным назначением для того или иного издания или для той или иной отрасли административной деятельности, при чем из специальных сумм, поступающих на отдельные издания, соответственный процент отчисляется на расходы по администрации. 11) Из всех сумм, поступающих в общую кассу, определенный процент отчисляется на издательскую деятельность (типографию и редакционные расходы). 12) Из указанной в 11-м пункте суммы прежде всего обеспечивается: издание 6 листов литературы «Искры», издание 5 листов «Раб. Дела» и 3 листов «Социал-Демократа» в месяц. Остальная часть распределяется между редакциями в пропорции 5 : 5 : 1. *Примечание.* Лист сведен к

листу «Раб. Дела». 13) Высшей инстанцией Комитета является общий съезд членов. Органом для улажения конфликтов внутри Комитета является Совет, составленный из равного числа представителей администрации и редакции и выбираемого ими председателя. Этот Совет действует также как представитель Комитета в особых, указанных в уставе, случаях. В частности Совет обращается от имени Комитета с воззваниями и решает вопрос о создании новых периодических органов. 14) Для согласования литературной деятельности отдельных редакций устанавливаются периодические совещания. 15) В случае ухода из состава Комитета одной из трех договаривающихся организаций, остальные две продолжают считаться Комитетом. В случае ухода двух организаций, ни ушедшая, ни оставшаяся стороны не составляют больше Комитета. *Примечание.* Уходом организации считается единовременный уход не меньше $^2/_3$ ее членов. 16) В случае одновременного выхода из состава Комитета отдельных членов в количестве не более $^1/_2$, Комитет признается существующим. Если из Комитета выйдет более половины членов, то Комитет считается распавшимся. *Примечание.* Могущие при этом возникнуть конфликты решаются Центральным Комитетом Партии. 17) В случае выхода или распадения Комитета, соответственные организации восстанавливаются во всех своих прежних правах на имущество и на фирму своих изданий.

Резервированная резолюция о терроре.

«Мы считаем нужным решительно высказаться против того взгляда, согласно которому террор является необходимым спутником политической борьбы в России. Для настоящего времени мы признаем террористическую борьбу нецелесообразной». (Эта резолюция не обсуждалась и не была поставлена на голосование на конференции ввиду заявления делегатов Союза, что вопрос о терроре не обсуждался в партийной печати, что решить его компетентен только партийный съезд, и что выражение: «для настоящего времени» ничего не определяет.) Резолюция эта резервирована, т.-е. не входит в число пунктов соглашения, выработанных конференцией; тем не менее стороны, предложившие ее, выразили желание, чтобы Союз обсудил ее и, если найдет возможным, принял.

Относительно Заграничного Комитета Всеобщего Еврейского Раб. Союза (Бунда) совещание приняло следующую резолюцию:

«Конференция единогласно признает необходимость и желательность согласования деятельности Заграничного Комитета Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии с деятельностью Заграничного Комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в России и Польше».

По поводу проекта соглашения, выработанного на женевском совещании, был устроен референдум среди членов представленных на нем организаций. Имел ли действительно место этот референдум или нет, но все три организации, т.-е. Союз, Искра-Заря и Социал-Демократ, сообщили нашей группе, служившей между ними связующим звеном, что они в принципе приемлют состоявшееся соглашение, но оставляют за собой право внести в него на предстоявшем объединительном съезде поправки. Это, разумеется, было их правом, но весь вопрос был в том, *какие* поправки станет вносить та или иная организация.

Перед объединительным съездом рабочедельцы созвали свой съезд (в июле или августе 1901 г.). Они назвали его третьим съездом Союза русских социал-демократов. На первом съезде Союза в 1898 г. наметилось расхождение между группой «Освобождение Труда» и молодыми. Второй, о котором я выше рассказал, закончился расколом между плехановцами и рабочедельцами. Третий, который был собственно первым чисто рабочедельческим съездом, оказался и их единственным съездом и вместе с тем последним съездом Союза.

На этом съезде обсуждалось и женевское соглашение. Повидимому, большинство членов Союза было недовольно той уступчивостью, которую проявили представители «экономистов» на женевском совещании, по существу сдавшие там свои главные позиции. Надо думать, что и бундовцы, имевшие сильное влияние на рабочедельцев, также подстрекали их к сопротивлению. Отстоять свои притязания на автономию в рядах с.-д. партии бундовцы могли лишь постольку, поскольку им противостояла слабая организация вроде Союза, зависевшая от Бунда во всех отношениях [1]). Бундовцы прекрасно понимали, что с воссозданием партийного единства, с появлением сильной российской с.-д. организации их домогательства получат сильнейший отпор. Что наше предположение не безосновательно, видно из поведения Бунда на втором съезде партии в 1903 году, где они, несмотря на поддержку рабочедельцев, потерпели поражение по основному для них вопросу благодаря искровцам, после чего и поспешили выйти из партии.

[1]) Характерно, как ловко бундовцы умели использовать затруднительное положение зависевших от них рабочедельцев. На третьем съезде Союза русских с.-д., когда рабочедельцам приходилось особенно туго, бундовцы навязали им даже *«федеративный»* договор (между Союзом Р. С.-Д. и Заграничным Комитетом Бунда). Это было уже почище «автономии».

И вот, чтобы взять реванш за свою уступчивость, проявленную на женевском совещании, рабочедельцы выработали на своем съезде ряд поправок к женевской платформе—как в ее организационной, так и в ее теоретической части. Одна из этих поправок была явно подсказана Бундом: а именно к пункту 4 а рабочедельцы предложили вставить слова: «и национального». Это был ловкий ход, но против этой поправки по существу нельзя было ничего возразить. Иначе обстояло дело с другими поправками.

Сущность этих поправок, которых мы здесь не приводим, сводилась к стремлению подчеркнуть значение экономической борьбы пролетариата в российской обстановке,—значение, которого, дескать, не отметила женевская плаформа и (намек!) которого якобы не понимали искровцы. А в общем и целом поправки были сформулированы в духе обычной игры «Рабочего Дела»: если, мол, на свете и существовали когда-либо оппортунизм, экономизм и пр., то, во-первых, их давно уже не существует в природе, во-вторых, их во всяком случае не было в России, а, в третьих, что касается заграничного Союза русских социал-демократов и «Рабочего Дела», то последние к этим порокам не имели и не имеют никакого отношения, никогда ими не грешили и даже не знают точно, что собственно из себя все эти «измы» представляют, как они выглядят и с чем их едят. Словом, продолжалась старая политика укрывательства и отнекивания. Это производило такое же впечатление, какое теперь производит манера Милюкова брать слова «буржуазия», «буржуазный» в ковычки: дескать, враги мои об этом говорят, а что это за штука «буржуазия»—ей-ей не знаю и даже понять не могу!

Для того, чтобы дать читателю понятие о поправках, выработанных рабочедельческим съездом, привожу полностью первую поправку с ее мотивировкой:

«*К пункту 1.* Выбросить слова: «так называемом экономизме» и «мильеранизме».

«*Мотивы.* Союзный съезд предложил выбросить первые три слова ввиду неопределенности их смысла. Поскольку «экономизм» может быть истолкован в смысле признания необходимости для русской социал-демократии руководить экономической борьбой пролетариата, Союз всегда признавал и теперь признает эту необходимость. Поскольку же «экономизм» означает тенденцию суживать деятельность социал-демократии и ограничить ее одной экономической борьбой, поскольку «экономизм» может означать

отношение к экономической борьбе, как к чему-то самодовлеющему, Союз относился и относится к «экономизму» отрицательно. Но это отрицательное отношение ясно и точно формулируется ниже в пункте 5б проекта принципиального соглашения. Поэтому эти три слова в 1-м пункте во всех смыслах излишни.

«Что касается слова «мильеранизм», то оно не выражает собой определенного течения международной социал-демократии. Поскольку же этим словом выражается сочувственное отношение к частному факту, к участию Мильерана в министерстве, то *теперь*, ввиду всего поведения Мильерана и ввиду его участия в церемониях по случаю царского приезда во Францию, сочувствие русского социалиста Мильерану было бы преступно, и заранее оговаривать это в соглашении значит оскорблять договаривающиеся стороны. Поэтому союзный съезд нашел нужным выбросить слово «мильеранизм». Что же касается более общего вопроса, обнимаемого словом «министериализм», то Союз относится к этому течению отрицательно и стоит вполне на точке зрения резолюции Каутского, и в этом смысле он хотел внести на обсуждение поправку в предполагавшуюся комиссию общего съезда.

«За устранением указанных слов, в первом пункте остается то, что в нем существенно важно,—признание солидарности договаривающихся организаций с пролетарски-революционным, а не с оппортунистическим течением международной социал-демократии».

Что рабочедельцы требовали «свободы критики» (правда, с оговоркою, поскольку критика не идет в разрез с классовым и революционным характером этой, т.-е. с.-д., теории) и требовали ее, понятно, «в интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии»,—это само собою разумеется. Съезд рабочедельцев нашел нужным включить это требование в проект принципиального соглашения ввиду того, что «договаривавшиеся с Союзом организации в своей литературе обнаружили абсолютную нетерпимость и претензию на привилегированную роль высшей контрольной инстанции над партией».

В поправках к организационной части платформы рабочедельцы, во-первых, старались обеспечить себе максимум прав в будущей единой организации (по человечеству это было понятно, так как ничего хорошего от объединения рабочедельцы не могли для себя ждать), а, во-вторых, нарочито подчеркивали свою верность партийным традициям, уставам и прецедентам. В частности,

в первый же пункт организационного соглашения они предлагали после слов «Союз русских с.-д.» вставить «заграничный представитель Р. С.-Д. Р. П.», этим отрицая за плехановским «Социал-Демократом» и за «Искрой» право на звание представителей партии. Формально рабочедельцы могли бы привести немало доводов в подтверждение своего притязания, но они не замечали, что соотношение сил уже начало изменяться не в их пользу, и что они рискуют остаться при голой претензии на титул, в то время, когда действительная сила и влияние уже начали перемещаться в сторону их противников.

За пару месяцев, протекших между женевским совещанием и объединительным съездом, положение изменилось в сторону, неблагоприятную для «Рабочего Дела». С каждым днем позиция «Искры», в связи с усиливавшимся в России процессом революционизирования страны, крепла, тогда как позиция «Рабочего Дела» соответственно ослабевала. Уже в силу объективного факта нарастания революционного настроения в России искровцы к моменту открытия съезда оказались по сравнению с «экономистами» относительно на много сильнее, чем это было в июне во время совещания. Но «Рабочее Дело», кроме того, само постаралось еще ухудшить свое положение рядом литературных выступлений, которые легко поддавались использованию противниками рабочедельцев во вред для последних.

Так, в № 10 «Р. Дела», вышедшем в свет накануне объединительного съезда, появились две редакционные статьи. Одна из них принадлежала перу старого редактора журнала, Б. Кричевского, а другая—перу А. Мартынова, незадолго до того появившегося на эмигрантском горизонте. Этот Мартынов некогда был народовольцем (в конце 80-х годов), затем стал социал-демократом и притом, как это обыкновенно бывает в таких случаях, правого устремления. Появившись за границей, он поспешил примкнуть к «Р. Делу», одним из редакторов которого он и сделался вместо Теплова, уехавшего в Россию и там арестованного). Статьи обоих редакторов «Р. Дела» подробно развивали те мысли, которые положены были в основу поправок, охарактеризованных нами выше (о существовании этих поправок мы в момент открытия объединительного съезда еще не знали). В этих статьях авторы делали попытку подвести теоретический фундамент под практику «экономистов», развить программу нового исправленного и смягченного «экономизма» и сформулировать свои принципиальные разногласия с искровцами (при чем они довольно

ловко использовали некоторые промахи последних в деле «общенародной» агитации). Вместе с тем в статьях развивался и тот взгляд, что объединение с.-д. сил возможно и допустимо лишь на условии предоставления правому крылу «свободы критики» в рамках единой партии. Эти статьи и доставили главный материал для ораторов, выступавших против «Р. Дела» в первые дни объединительного съезда—еще до оглашения рабочедельцами своих поправок к женевской платформе.

Объединительный съезд состоялся в Цюрихе летом 1901 года (в августе). Все три фракции были довольно полно представлены на этом съезде. Со стороны рабочедельцев присутствовали все их лидеры, в том числе и новоявленный лидер А. Мартынов; плехановцы были представлены не только группой «Освобождение Труда» и организацией «Социал - Демократ», но и искровцами: Лениным, Мартовым, Потресовым и... впервые появившимся на политическом горизонте Даном, который в тот момент вместе с Потресовым и Мартовым выступал в роли ярого левого революционера. Из нашей группы на съезде участвовали все три ее члена.

Договориться не удалось. Съезд начался с генеральной дискуссии по принципиальным платформам. Рабочедельцам пришлось выдержать ожесточенный обстрел как с нашей стороны, так и со стороны плехановцев. Им пришлось отвечать и за склонность к бернштейнианству, и за поддержку Мильерана и Жореса, и за политический оппортунизм в русских делах, и т. д., и т. п. Защищались они очень ловко, главным образом, устами Кричевского, их признанного вождя, но чрезвычайно неубедительно. Основные обвинения опровергнуть им не удалось. Тем не менее казалось, что дело идет к объединению.

Генеральная дискуссия продолжалась полтора дня. После ее окончания были оглашены поправки рабочедельцев к женевской платформе с соответственной мотивировкой. Но, когда дело дошло до обсуждения этих поправок, все искровские ораторы один за другим стали отказываться от слова. В воздухе запахло грозою. Когда очередь дошла до Плеханова, он внес предложение о перерыве для совещания двух организаций—«Искры» и «Социал - Демократа». Во время этого совещания искровцы постановили со съезда уйти. Не помню сейчас, кто мне об этом сообщил, но нам стало известно, что как раз в это время ленинская группа получила из России какое-то письмо, из которого она заключила, что дела ее на местах идут очень хорошо и

что никакой надобности в объединении с рабочедельцами не представляется.

В тот момент мы не знали, что среди плехановцев это решение не встретило полного единогласия. По сообщению Мартова (в «Истории») его отстаивал Ленин, но Плеханов, поддержанный Мартовым, Ортодоксом и некоторыми другими, возражал против разрыва, считая необходимым объединить все социал-демократические силы ввиду надвигавшейся эс-эровской опасности. Однако большинство искровцев высказалось за разрыв и уход со съезда.

Не помню, кто именно из плехановцев (чуть ли не Засулич) отозвал меня в сторону и сообщил мне, что, ввиду полученных из России известий, они считают объединение теперь ненужным, намерены сейчас же огласить заявление о своем уходе со съезда и предлагают нам присоединиться к заявлению и уйти вместе с ними. На мое предложение показать нам это заявление для того, чтобы мы могли с ним ознакомиться и в случае надобности предложить к нему поправки, мне было отвечено, что заявление уже принято и обсуждению не подлежит. Я со своими двумя товарищами отказался последовать сделанному нам приглашению. После всего того, что произошло на съезде, разрыв казался мне немотивированным. Случайное письмо из России не представлялось мне убедительным. Все-таки у рабочедельцев были огромные силы и связи. По существу они уступали нам во всем. Мне казалось, что, покобенившись немного, они в конце концов примут все наши требования. После тех усилий, которые мы проделали для объединения враждующих элементов, разрыв представлялся мне немотивированным и ненужным. Я не знаю, что бы я сделал, если бы я был один. Но я был не один. В перерыве между заседаниями наша группа обсуждала предложение плехановцев. Решено было не примыкать ни к одной из сторон и сохранить свою независимость, продолжая попытки объединения.

Ультиматум от имени плехановцев огласил все тот же великий революционер Дан.

Вот что гласил прочитанный Даном при гробовом молчании документ:

«Принимая дополнение С. Р. С.-Д. к резолюциям женевской конференции относительно борьбы против национального угнетения, как нечто само собою подразумевающееся для всякого сознательного социал-демократа, заграничный отдел организации «Зари» и «Искры» и «Социал-Демократ» считают в то же время необходимым сделать следующее заявление.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Заграничного отдела организаций «Зари», «Искры» и «Социал-Демократа».

Принимая далее во внимание:

1) что организации С.-Д. и З.-И. с самого возникновения своего ставили главнейшей задачей русской социал-демократии организацию рабочего класса в самостоятельную политическую партию,—тактика, которая обеспечила бы за нею гегемонию в борьбе за низвержение самодержавия, являющееся его ближайшею задачею в борьбе за полное политическое и социальное освобождение;

2) что деятельность «Союза Русских Социал-Демократов», как она выражалась в его органе «Рабочее Дело», в очень существенных пунктах резко противоречила этой задаче и тем самым косвенно подготовляла почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии;

3) что ввиду этого названные организации с самого начала стали в отрицательное отношение к тому направлению, которое выражалось в органе Союза;

4) что принятые на женевской конференции резолюции, категорически констатируя полную солидарность участвовавших в ней организаций в вопросах о бернштейнианстве, экономизме, мильеранизме, равно как и в резко критическом отношении к преклонению перед элементарными стихийными формами рабочего движения,—означали отказ Союза от его заблуждений и присоединение к революционной социал-демократии, представляемой «И. и З.» и «С.-Д.»;

Принимая далее во внимание:

5) что статьи в № 10-м «Рабочего Дела», прения на съезде, смысл поправок, предложенных Союзом к женевским резолюциям, и мотивировка их от имени Союза в речи редактора Кричевского коренным образом отступают от принципиальных пунктов соглашения и показывают с очевидностью, что Союз возвращается к прежним заблуждениям;

6) что заблуждения эти, распространяясь под флагом социал-демократии, могут вести к тому, что все трудности борьбы с царизмом падут на рабочий класс, а все плоды победы достанутся эксплоатирующим классам,—

Принимая все это во внимание, организация «Социал-Демократ» и заграничный отдел организации «Зари» и «Искры», признавая возможность частичных соглашений в некоторых практических областях революционной деятельности, в то же время констатируют, что более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить принципиальную и политическую устойчивость своего органа, в настоящее время, к сожалению, немыслимо, и потому, считая дальнейшее продолжение прений бесполезным, покидают съезд».

Тут произошел маленький курьез. По прочтении заявления искровцы и плехановцы двинулись из зала. При этом член организации «Социал-Демократ», председательствовавший на этом

заседании, забыл закрыть съезд и вместе с другими своими товарищами направился к выходу (таким образом протоколы съезда остались неутвержденными). Входивший в состав бюро член Союза взял на себя обязанности председателя и объявил, что заседание продолжается. Остановившиеся было на минуту от неожиданности искровцы снова направились к выходу. Среди рабочедельцев раздался вопль негодования. Одни из них кричали вслед уходящим: «Да здравствует Российская С.-Д. Рабочая Партия!», а другие: «Долой сектантов!». Раздавались крики против «раскольников», сознательно ведущих к разрыву и к распылению сил (обычный мотив в таких случаях). Мы, с своей стороны, заявили, что не считаем разрыв необходимым, но, будучи политически солидарны с «Искрою» и с группою Плеханова, мы не можем оставаться на съезде и уходим с него. Так мы и поступили. С этого момента наша группа приняла название «Борьба» и приступила к ряду изданий в духе революционного марксизма, политически солидаризируясь с плехановцами, но организационно с ними не объединяясь.

Затея с группой «Борьба» была в сущности мертворожденной. Дело в том, что мы из соображений политической корректности хотели сделать свою группу чисто литературной. Мы заранее сказали себе, что не будем стараться создавать собственную организацию, чтобы не допускать конкуренции с начинавшей складываться организацией «Искры». А этим мы, разумеется, обрекали себя на полное бессилие. Многие товарищи в то время не знали об этом или, может быть, не верили нам. Они были убеждены, что, образуя самостоятельную группу, мы не ограничимся литературной работой, а обязательно будем строить собственную организацию как за границей, так и в России. На самом же деле мы с самого начала твердо решили никакой организации не создавать. И если впоследствии кое-где, кажется, в Берлине, и в одном-двух городах на юге России, сделаны были попытки создать организации, сочувствующие «Борьбе» или поддерживающие ее, то эти кружки не носили характера политической организации. Вообще же мы своей организации не строили, конкурировать в этом смысле ни с одной из двух боровшихся групп не собирались и никогда не выходили из рамок узкой литературной группы, которой отдельные члены, кстати, далеко не во всем были солидарны.

Группа «Борьба» за свое кратковременное существование (она просуществовала года полтора—два) успела издать несколько брошюр и книжек, в общем недурных.

Так, она выпустила «Социал-Демократический календарь», который с тех пор систематически использовывался социал-демократическими организациями, выпускавшими аналогичные издания; выпустила мою брошюру «Отказываемся ли мы от наследства?», с приложением статьи Рязанова «Две правды», посвященную критике народничества и обоснованию марксистской позиции; далее, три выпуска «Материалов для выработки партийной программы», в том числе две книжки Рязанова, посвященные критике новой программы «Рабочего Дела» и критике проекта программы «Искры» и «Зари», а также мою книжку (без подписи), посвященную тому же предмету, равно как обоснованию проекта программы, составленного нашей группой; брошюру «Обуховское дело»; «Летучий Листок»; мою популярную брошюру (под псевдонимом «Старый Служивый») «Солдатская беседа», предназначенную для пропаганды в армии (в этом тогда начала ощущаться необходимость). Эта брошюра в исправленном и дополненном виде была в 1905 году переиздана Бундом, за подписью «Ю. Невзоров». В то время это была, кажется, единственная эсдековская брошюра для солдат.

Сначала между группой «Борьба» и искровцами не существовало никаких теоретических разногласий. Мы расходились с искровцами только в одном пункте, а именно в вопросе о демократическом характере организации.

Надо, впрочем, сказать, что мы не рисовали себе этого вопроса так упрощенно, как некоторые товарищи, чуть ли не требовавшие, чтобы все комитеты партии в России избирались всеобщим голосованием примыкающих. Но мы полагали, что в таких организациях, как «Социал-Демократ», заграничная группа «Искры» и т. п., где все друг друга хорошо знали, все должны пользоваться равноправием при избрании руководящих центров. Я помню, что, когда в последний раз меня убеждали вступить в организацию «Социал-Демократ», я задал вопрос, будут ли все его участники пользоваться одинаковыми правами, и, не получив определенного ответа, отказался войти туда. В общем мы стояли тогда на той позиции, которая впоследствии получила название «демократического централизма». Но, видимо, для такого плода время еще не наступило. Да и вообще тогда принципы организационного строения были еще не вполне выяснены.

Но в принципиальной области мы с искровцами были совершенны солидарны. Я и Рязанов сотрудничали в изданиях группы, при чем в 1-м номере «Зари» напечатана была статья Рязанова о

программе «Раб. Дела», во 2-м номере появилась моя статья «К вопросу о национальных задачах русской социал-демократии» (за подписью Ю. Невзоров), а в третий номер должна была пойти моя же статья «Отказываемся ли мы от наследства?». Хотя эта статья косвенно была направлена против некоторых утверждений Ленина в его книжке «Экономические этюды», вышедшей в 1898 г., а именно против помещенной там статьи «От какого наследства мы отказываемся», тем не менее моя статья была принята в «Зарю» и вызвала даже похвальное письмо ко мне Владимира Ильича, которое, к сожалению, у меня, кажется, не сохранилось. Впоследствии, когда мы, после неудачи объединительного съезда, образовали собственную группу «Борьба», я взял эту статью из портфеля «Зари», и она была издана отдельной брошюрой под нашей собственной фирмой (средства на ее издание дал Чарушников, брат известного в свое время московского издателя).

Принципиально солидарность нашей группы с «Искрой» и «Зарей» продолжалась почти вплоть до опубликования «Искрою» проекта партийной программы.

Точнее сказать, принципиальные недоразумения начались раньше, но они в свое время не нашли литературного выражения. Я имею в виду «либеральные», если так можно выразиться, уклонения «Искры». Зародыши таких уклонений содержались уже в известной брошюре Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», появившейся еще в 1897 году. Развивавшая в общем правильный взгляд о необходимости создания самостоятельной партии русского пролетариата (а потому с восторгом встреченная нами и отвергавшаяся «экономистами» как в ссылке, так и за границей), эта брошюра одновременно допускала не только параллельное действие, но и «союз социал-демократии с буржуазными революционными (?) фракциями, поскольку таковые будут в наличности». От таких, на наш взгляд опасных, тенденций не свободна была и группа «Искры» в первый период своей деятельности.

Что «Искра» брала на себя задачу сделаться органом «всенародных (?) политических обличений» (выражение Потресова),— это еще куда ни шло. Но что она в первых же номерах (кажется, 2-м и 4-м) дала место статьям П. Струве «Самодержавие и Земство», это нам уже не понравилось, как говорится в известном анекдоте. Издание «Зарею» записки Витте «Самодержавие и Земство» с либеральным предисловием Р. Н. С., т.-е. того же Струве, казалось нам идущим по той же линии притупления революционного характера рабочей партии и соглашения с буржуазным либерализмом. В № 18 «Искры» (это относилось уже к марту 1902 г.) появилась статья, написанная, как нам казалось, в том же духе: это была статья Ленина «Письмо к земцам», посылавшая «привет новым протестантам, а следовательно, и новым нашим союзникам» и обещавшая им помощь рабочей партии. Словом, нам представлялось, что тут мы имеем дело с целой программой.

Особенно подозрительно относились мы (т.-е., собственно говоря, я и Рязанов) к личности П. Б. Струве. К рассматриваемому времени этот господин представлял уже вполне законченный тип ренегата. Бывший автор «Манифеста» Р. С.-Д. Р. П. 1898 г. сначала стал отъявленным бернштейнианцем, а затем и либералом довольно правого оттенка. Появление его в качестве сотрудника боевого органа социал-демократии не могло не наводить на печальные размышления. Они усугублялись разными статьями «Искры», о которых я уже упоминал. У нас возникло подозрение, что за кулисами готовится или уже состоялось какое-то соглашение между искровцами и буржуазными либералами. Не помню сейчас, носились ли уже тогда о таком соглашении какие-либо слухи, но возможно, что и носились. Теперь уже не подлежит сомнению, что такое соглашение действительно подготовлялось и что наши подозрения не были лишены известных оснований.

В известном меньшевистском сборнике «Общественное движение в России» (том I, стр. 615 и сл.) бывший член редакции «Искры», а впоследствии лидер меньшевизма, А. Потресов, рассказал о переговорах, которые велись тогда между искровцами и либералами в лице все того же Струве (и Богучарского, как дополняет Мартов). В начале 1901 года между ними был заключен договор, согласно которому при «Заре» должно было выходить приложение под заглавием «Современное Обозрение» и под общей редакцией обеих договаривавшихся сторон («совместно и на равных правах»!). В этом договоре редакция «Зари» от имени русской социал-демократии заявляла о своей готовности «по мере сил своих поддерживать всякое, более или менее (!) прогрессивное, движение, направленное против существующего у нас порядка», т.-е. самодержавия, а Струве от имени либералов говорил об искровцах, как о «соединившейся с нами для общего дела (!) социал-демократической группе». Договор этот по случайным

причинам, к счастью, не получил осуществления, но самый факт его заключения показывает, что для наших подозрений в то время основания были.

Теперь ясно, что, идя на такой договор, искровцы (и в первую голову Ленин) хотели взять начинавшееся либеральное движение, так сказать, под надзор и держать его под социал-демократической опекой. Намерения были, разумеется, самые похвальные. Но результаты могли от такого мезальянса получиться самые неожиданные. Охотник, собиравшийся захватить медведя, рисковал сам очутиться в его лапах. Во всяком случае, позиция революционных марксистов такими комбинациями сильно ослаблялась. Рабочедельцы, быстро заметившие либеральные уклонения «Искры», поспешили поднять шум по поводу отхода искровцев от классовой позиции. Смута получалась большая, и политическая платформа революционного марксизма рисковала на первых же шагах быть скомпрометированной [1]).

После этого неудивительно, что проект программы «Искры» и «Зари» вызвал с нашей стороны решительную оппозицию. Впрочем, соответственно различию наших темпераментов, я и Рязанов реагировали на него неодинаково. Рязанов, склонный выискивать всюду антимарксистскую ересь, обрушился на проект искровской программы преимущественно за содержавшиеся в нем двусмысленные и уклончивые формулировки при характеристике капиталистической эволюции общества. Особенно возмущали его словечки «более или менее», сопровождавшие характеристику влияния капитализма на положение пролетариата и мелко-буржуазных слоев. Я не придавал особого значения этим оговоркам, но они и меня удивляли, и я не мог понять, зачем они понадобились составителям проекта. Теперь и этот ларчик открывается. Оказывается, что эти уклончивые формулировки бли введены в программу... из страха перед буржуазно-ревизионистской критикой! По словам Мартова, «ряд обычных в марксистских программах положений о тенденциях, ведущих к обнищанию пролетариата и к поглощению мелкой собственности, был в русском

[1]) Считаем нужным прибавить, что вскоре после того, как выяснилась физиономия российского либерализма, Ленин выступил против него с самой резкой критикой, тогда как меньшевики во главе с Мартовым (в свое время высказывавшимся против договора со Струве) и Потресовым стояли за соглашение с либералами. В таком духе они и внесли резолюцию на второй съезд партии. Ленин и Плеханов внесли противоположную резолюцию. Съезд примирил их, приняв обе.

проекте формулирован более осторожно (!), чтобы сделать их неуязвимыми для ревизионистской и буржуазной критики» «История рос. социал-демократии», 1922, стр. 76). После такого признания нападки Рязанова, которые Плеханов назвал «буквоедством» и которые и мне тогда, каюсь, казались во многом излишними, неожиданно получают запоздалое оправдание.

Меня же лично больше всего поразила в проекте одна его сторона, а именно изложенная в нем аграрная программа, сводившаяся, как известно, к требованию возвращения крестьянам земель, отнятых у них помещиками в 1861 году,—пресловутых «отрезков». Мне в тот момент, т.-е. летом 1902 года, это показалось непонятным новшеством и чисто кабинетной выдумкой, которую я связывал со статьями «Искры» и «Зари», допускавшими возможность политических соглашений между партией пролетариата и либеральной буржуазией, в частности и либеральными предводителями дворянства. Мне казалось, что ограничение земельных требований социал-демократии требованием возвращения отрезков органически связано с допущением соглашения между пролетариатом и либеральной буржуазией. Теперь, после опубликования записок Мартова, обнаруживается, что мысль об «отрезках» давно уже разделялась Лениным. Мартов рассказывает, что еще в 1896 г. тов. Кржижановский сообщил ему «о выдумке Ильича». Выдумка состояла в формулировании такого положительного требования в области аграрной политики партии, которое, с одной стороны, шло бы навстречу желанию крестьян и давало бы возможность привлечь их на сторону рабочего движения, а с другой стороны—не грозило бы задержать ход экономического развития, помешать росту производительных сил в сельском хозяйстве и, в частности, развитию капиталистических отношений. Так как, по мнению Ленина, кабальные отношения в деревне как раз и держались на отрезных землях, отнятых у крестьян во время реформы 19 февраля 1861 г., то возвращение этих отрезков крестьянам, с одной стороны, должно было увеличить площадь крестьянского землевладения, а с другой стороны—устранить главную помеху развитию капитализма в земледелии. Эта «выдумка», по словам Мартова, возбуждала и тогда некоторые сомнения среди социал-демократов, но в конце концов группа «стариков» из первого петербургского «Союза Борьбы» «восприняла» этот пункт. Впоследствии он и вошел в проект партийной программы, составленный «Искрой» и «Зарей». Как мог на него

согласиться старый чернопеределец Плеханов, для меня до сих пор остается непонятным [1]).

Пункт об «отрезках» вызвал смущение среди многих социал-демократов. Чтобы рассеять это смущение, искровцы и—в первую голову—Ленин предприняли поездки по эмигрантским колониям, где выступали с рефератами, долженствовавшими доказать правильность этой аграрной программы. У нас в Париже с таким рефератом выступал сам Ленин. Наша группа выставила меня оппонентом. Я решительно обрушился на пункт об отрезках, доказывая его буржуазный и оппортунистический характер, и выдвигал в противовес ему требование конфискации помещичьей земли и вообще крупного частного землевладения. Между прочим, ссылаясь на незадолго перед тем вышедший 2-й том «Аграрного вопроса» Каутского (тогда еще теоретика марксистской ортодоксии), я доказывал, что не дело социал-демократов активно содействовать развитию капитализма, а что их дело только использовать те противоречия, которые естественно возникают в связи с процессом капиталистического развития. Перегибая палку в заботе о развитии производительных сил, социал-демократы рискуют отрезать себе дорогу в деревню, без активной поддержки которой рабочему классу не удастся низвергнуть самодержавие. Вместе с тем социал-демократы дают легкую возможность народническим партиям монополизировать симпатии крестьянства в свою пользу (я имел в виду нарождавшуюся тогда партию социалистов-революционеров).

На собрании присутствовало много народу. Здесь были и социал-демократы, и народники. Социал-демократическая публика разделилась в своих симпатиях. Но все же большинство ее, хотя и смущенное, высказало одобрение Ленину (это было естественно: «Искра» представляла не просто литературную группу, а организацию, собиравшую раздробленные силы партии). Меньшинство хлопало его оппоненту. Зато народники своими рукоплесканиями решительно поддерживали меня, чем, разумеется, ослабляли мою позицию в глазах марксистов. Этим и

---

[1]) Впрочем, судя по свидетельству Мартова, и в самой редакции «Искры» поднимались голоса в пользу экспроприации всей помещичьей земли, но эта точка зрения была отвергнута большинством искровцев, «которые опасались, что, выставляя или только поддерживая это требование, социал-демократия будет способствовать развитию в крестьянских массах иллюзий о завоевании себе прочного хозяйственного положения в капиталистическом обществе» («История», стр. 76).

воспользовался тов. Троцкий, который выступил с возражениями мне (сам Ленин в заключительном слове обошел мои аргументы и возражал, главным образом, народникам). Троцкий не опровергал моих доводов, да и не мог по существу их опровергнуть, как показало дальнейшее развитие партии, принужденной в конце концов отказаться от «отрезков». Но зато он чрезвычайно ловко использовал хлопки, которые раздавались по моему адресу из народнического лагеря. «Посмотрите, кто ему хлопает,—воскликнул он,—и вы поймете, что он неправ!» Это было несовсем убедительно, но несомненно подействовало на настроение находившихся в зале социал-демократов.

А между тем все они были глубоко неправы. Разумеется, принять большинством резолюцию, одобряющую «отрезки», было легко. Но этой программой партии наносился серьезный вред. Социалисты-революционеры хлопали мне и возражали Ленину. Но в глубине души они торжествовали по поводу промаха, который совершали социал-демократы, принимая столь урезанную аграрную программу. Трудно отрицать, что аграрная программа «Искры» была водой на эс-эровскую мельницу. Если политический индифферентизм «экономистов» оказался повивальной бабкой эс-эровской партии, дал ей возможность появиться на свет, то аграрная программа «Искры» сослужила эс-эрам не меньшую службу, позволив им быстро нагулять круглые розовые щеки. «Искра» резко критиковала террористические увлечения эс-эров, но своими «отрезками» она влагала в их руки гораздо более опасное оружие. Не подлежит сомнению, что если партия с.-р. быстро усилилась и пустила некоторые корни в массе (не только сельской, но и городской, среди рабочих, связанных с деревней), то в гораздо меньшей степени благодаря террору, сколько благодаря своей аграрной программе. «Социализация» земли мало кого интересовала, кроме нескольких партийных теоретиков-доктринеров, и мало кому была понятна, но за нею скрывалась экспроприация помещиков, передача всей земли народу. Это понимали крестьяне и рабочие. И там, где эс-эры в то время успешно конкурировали с нами, им это удавалось не благодаря террористическим актам, до 1905 года крайне редким и вряд ли находившим отголосок в деревне, а благодаря их аграрным требованиям, которые шли навстречу глубоким стремлениям не только крестьянской, но и рабочей массы. И этот успех доставили эс-эрам мы сами. Когда же мы с своей стороны начали высказываться за экспроприацию помещичьей земли, то мы, как, например, в Мос-

кве, начали бить эс-эров, отнимая у них главное орудие агитации, которое, как показала впоследствии история революции, было у них орудием дурачения масс.

Признавая проект программы, предложенный «Искрой», неудовлетворительным, группа «Борьба» решила выработать свой собственный проект партийной программы. Но свою судьбу имеют не только книги, но и программы. Несмотря на то, что этот проект стоял, по моему глубокому убеждению, выше искровского, он не только не добился успеха, но и просто остался почти неизвестен широким кругам нашей партии. Бороться с искровским Левиафаном и с его моральным влиянием на партийные круги маленькой литературной группке оказалось не под силу.

Проект программы нашей группы был составлен Рязановым, и мне пришлось вносить в него лишь частичные изменения. Главное из дополнений, которое я предложил, сводилось к формулировке аграрной программы социал-демократии. Надо сказать, что тов. Рязанов сначала колебался по этому пункту, но в конце концов не стал возражать и согласился. Я помню, что он и Смирнов возражали мне примерно так: «Кто определит, с какого размера земельное владение признается крупным?». Я на это отвечал, что нам об этом заботиться не приходится, что этот вопрос разрешится на практике путем учета местных хозяйственных и бытовых условий. На другое возражение: «А что делать с экспроприированной землей?» — я отвечал ссылкою на программу «Коммунистического Манифеста»: там, где это будет возможно, организовать крупное государственное земледелие; поддерживать формы коллективного артельного хозяйства; в крайнем случае итти на раздел. Но помещикам, составившим опору самодержавия, надо нанести решительный удар. Крестьян, главную демократическую силу, привлечь на сторону рабочей партии, а привлечь их можно только лозунгом экспроприации помещиков (как дворянского, так и буржуазного происхождения»). Таким образом мне, в конце концов, удалось настоять на включении пункта, который требовал экспроприации крупного частного землевладения и в общем был сформулирован согласно «Манифесту Коммунистической Партии».

Вот [1]) аграрная программа группы «Борьба»:

[1]) Этому вопросу была посвящена глава в моей брошюре «Наша Программа» (Материалы для выработки партийной программы, выпуск III, изд. группы «Борьба», Женева 1903 г.). Характерно, что эта глава, посвященная аграрной программе, занимает в моих комментариях около половины (20 страниц из 43). Ясно, что этому пункту я придавал решающее значение.

«В интересах обездоливаемого крестьянства, кроме тех политических и социальных реформ, которые перечислены выше, партия потребует:

«1) Экспроприации крупных землевладельцев и перехода их земли в собственность государства. Отдачи этой земли в аренду преимущественно обществам для совместной ее обработки.

«2) Отмены выкупных платежей, государственной оброчной подати, а также всяких натуральных и денежных повинностей, падающих на крестьянство.

«3) Уничтожения всех частных долговых обязательств, в основе которых лежит кабальная сделка.

«4) Предоставления крестьянам права отказа от надела и выхода из общины.

«5) Уничтожения всяких остатков крепостного права».

В тот момент эта аграрная программа была объявлена чуть ли не ересью. А между тем она была тогда единственной марксистской аграрной программой. С пунктом об «отрезках» наша партия дожила до самой революции 1905 г. Уже в тот момент нечего было и думать о защите этого пункта перед широкими массами. Мы рисковали быть наголову разбитыми «социалистами-революционерами», так как уже в 1905 г. и даже раньше земельные требования крестьянства сказались с огромной силой. И фактически наши агитаторы на митингах 1905 года выступали с требованием экспроприации всех помещичьих земель. Разумеется, и мне приходилось делать то же самое, тем более, что я все время и до того стоял на этой позиции. Московский Комитет большевиков поручил мне в ноябре 1905 года (я в тот момент приехал в Москву из-за границы) выступать на митингах от его имени. Я и выступал с требованием экспроприации крупного землевладения. Стоявший тогда во главе комитета тов. Шанцер (Марат) был крайне возмущен моими выступлениями и пытался призвать меня «к порядку», обвиняя в нарушении партийной программы. К моему удовольствию я узнал, что и Ленин в Петербурге становится на ту же позицию. Я не помню сейчас, узнал ли я это из письма или из сообщения прибывших товарищей, или же, если мне не изменяет память, из «Новой Жизни», где Ленин как будто высказался в таком духе. Во всяком случае я знал, что Ленин теперь стоит уже

не за «отрезки», а за экспроприацию всей помещичьей земли и даже чуть ли не за национализацию земли.

Кроме того, я мог ссылаться еще на резолюцию большевистского съезда в апреле-мае 1905 года (III-й съезд партии) об отношении к крестьянскому движению, где прямо сказано было, что социал-демократия ставит своей задачей «самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель». Я на это и указал Шанцеру, но он возражал, что, во-первых, партия, как таковая, не требует конфискации, а обещает лишь «поддержать» такую меру, если ее проведет крестьянство (действительно, пункт этот сформулирован в резолюции неясно—видимо, съезд не решился поставить прямо точку над i), а во-вторых, что это *тактическая* резолюция, которая не может отменить партийной *программы*, а последняя вплоть до ее пересмотра на съезде остается обязательной, а с нею и «отрезки».

На упреки Шанцера я отвечал, что и глава партии, Ленин, стоит на такой же позиции, как и я, что нельзя говорить о нарушении программы партии в такой серьезный момент, как народная революция, что не партия для программы, а программа для партии, что если жизнь требует изменения тех или иных пунктов партийной программы, то на это нужно итти, чтобы не быть отброшенным в сторону. И далее я прибавил, что если уже приходится толковать партийную программу, то для меня толкование Ленина авторитетнее, чем мнение тов. Шанцера, на что этот милый, но увлекающийся и пылкий товарищ ответил: «В таком случае мы исключим и вас, и Ленина». Но такая угроза, разумеется, меньше всего могла меня испугать. Что Шанцеру не удастся исключить из партии Ленина, я знал слишком хорошо. Я продолжал от имени партии выступать с требованием экспроприации помещичьей земли, несмотря на недовольство некоторых московских товарищей.

Свои программные взгляды группа «Борьба» выразила в двух брошюрах—Рязанова и моей (о них я говорил выше). Я и сейчас думаю, что наш проект программы был лучше искровского, теоретически выдержаннее и практически целесообразнее. Но его основным недостатком было то, что он был опубликован от имени маленькой литературной группы, не пользовавшейся авторитетом в широких партийных кругах, не имевшей связей с Россией и

даже мало известной работавшим на местах товарищам. Искровцы, подозревая, что мы строим в России собственную организацию, относились к нам с величайшим недоверием и даже враждою. Эта вражда была совершенно напрасна, потому что, как я уже выше указывал, мы вовсе не задавались задачей создавать свою организацию, конкурирующую с группами и комитетами «Искры» в России. Более того, как только мы узнали, что в Лондоне собирается второй партийный съезд, который должен воссоздать единство партии и придать ей прочную организацию, мы сейчас же оповестили о роспуске своей группы и заявили, что заранее подчиняемся всем решениям партийного съезда [1]. Единственно, что мы сделали на прощание, это было то, что мы послали всем членам Съезда свои программные брошюры. Но, увы и ах, как впоследствии я узнал, мало кто из членов съезда даже заглянул в них. Один из делегатов съезда, Мошинский, с которым мне пришлось в 1905—1906 г.г. сидеть в петербургских «Крестах», рассказывал мне, будто членам съезда чуть не было свыше «запрещено» читать наши издания. Во всяком случае моральное давление на членов съезда в этом смысле, повидимому, было, а если прибавить, что наша группа рисовалась участникам съезда, как беспочвенная затея раскольников и честолюбцев, то неудивительно, что они не сочли нужным ознакомиться с произведениями так плохо рекомендуемых господ, ибо ничего другого, кроме надоевшей всем эмигрантской «склоки», они не думали там найти. И очень жаль. Может быть, если бы они внимательно ознакомились с нашими возражениями, хотя бы против аграрной части проекта программы «Искры», то социал-демократы были бы избавлены от включения пресловутых отрезков в свою партийную

---

[1]) К указанию т. Стеклова о «самороспущении» группы «Борьба» редакция считает нужным заметить, что никаких документальных следов этого акта не сохранилось. Наоборот, в заграничном издании протоколов II съезда говорится о принятой съездом резолюции (предложенной Мартовым), которая гласит следующее:

«Принимая во внимание, что литературная группа «Борьба» причисляет себя к Р. С.-Д. Р. Партии и выразила свое намерение подчиниться решениям партийного съезда, съезд поручает Центральному Комитету обратиться к группе «Борьба» с предложением о распущении ее организации, как таковой, в отдельном существовании которой не представляется необходимости, и о вступлении ее членов в какую-либо из партийных организаций» (см. «Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.», Женева 1903 г., стр. 310).

Прим. редакции.

программу. Мне и другим товарищам не пришлось бы в 1905 году самовольно по собственному почину менять эту программу в пылу борьбы, а партии не пришлось бы дожидаться много лет, чтобы, наконец, получить достойную ее аграрную программу. Но у истории есть свой разум, и надо думать, что он сильнее разума отдельных лиц и групп.

Ю. Стеклов.

Февраль на Западном фронте и Минский Совдеп.

(Беглые воспоминания.)

Быстро, как молния, разнеслась по фронту весть о совершившейся в Петрограде революции. Радостно и почти без малейшего замешательства она принималась повсюду. Только в некоторых глухих частях фронта пробовало военное начальство скрыть ее на несколько дней...

Мы, старые революционеры, ждали взрыва, можно сказать, со дня на день. Только накануне получения известий о перевороте наша с.-д. группа в Лунинце обсуждала вопрос,—где лучше для революции использовать силы—на фронте ли—среди солдат, или в рабочих центрах—внутри России.

Хоть и слабо, но все же среди старых партийных с.-д., разбросанных по фронту, связи и партработа поддерживались. Время от времени устраивались небольшие собрания, обсуждались разные вопросы, заслушивались сообщения от приехавших товарищей из Москвы, получалась из Москвы иногда литература.

Помню, еще осенью 1915 г. тов. Розенгольц делал доклад о революционных настроениях в Москве. Несколько раз в 1915 г. и 1916 г.г. я привозил литературу из Москвы от тов. Смидовича. Несколько раз устраивались собрания Фрунзе, мною и др. в Ивенце, в Лунинце, в Минске.

Оформленного организационного закрепления нашей партийной группы не было, но друг друга держали в виду, были осведомлены о настроении большинства старых партийцев.

Провокация ожидала нас и здесь, но, к счастью, не успела реализировать своих замыслов. Небезызвестный провокатор Романов-«Пелагея», оказавшийся на фронте в роли заведывающего питательным пунктом, все время подбивал собиравшихся на со-

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I.—СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

ОТДЕЛ II.—МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

ОТДЕЛ III.—БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТДЕЛ IV.—МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ и СООБЩЕНИЯ.

Вокруг органов Истпартовской работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 4 фотографии-факсимиле предъявления следствия обвиняемым по делу 3—5 июля 1917 г.